

Анатолій Дроздов

Рыцари
Плащаницы

Изумруд Люцифера

Анатолий Дроздов

Рыцари плащаницы

«1С-Публишинг»

2006

Дроздов А. Ф.

Рыцари плащаницы / А. Ф. Дроздов — «1С-Публишинг»,
2006 — (Изумруд Люцифера)

Экспедиция в прошлое – предприятие само по себе рискованное. А теперь представьте, что вместо запланированного попадания в Киевскую Русь вы оказались на Ближнем Востоке, завоёванном крестоносцами. И как раз в ту пору, когда знаменитый султан Саладин теснит рыцарей за пределы Палестины... Казалось бы, участь героев незавидна. Но именно эти двое станут настоящей головной болью для Саладина.

© Дроздов А. Ф., 2006

© 1С-Публишинг, 2006

Содержание

Пролог	5
1	10
2	17
3	29
4	39
5	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Анатолий Дроздов

Рыцари плащаницы

Пролог

Золотой полумесяц на розовом куполе бывшего храма Соломона проступил в синем небе и засиял, освещенный первыми лучами мягкого декабрьского солнца. Полумесяц установили недавно; Имад все не мог привыкнуть к торжественному виду мечети Аль-Акса, возносившейся над притихшим Эль-Кудсом в знак торжества истинной веры, и смотрел во все глаза. Солнечный свет тем временем скользнул по белым стенам домов, окрашивая их в золото, воздух тихих площадей и улиц наполнился мягким свечением: золото легло на белый шелковый полог, скрывающий вход в зал, широкие каменные перила балкона, руки Имада, расслабленно лежащие поверх прохладного камня.

«Слава тебе, Милостивый и Милосердный! – мысленно воскликнул эмир, любуясь открывавшейся глазу панорамой. – За то, что изгнал нечестивых многобожников и возвратил город верным слугам своим! Слава тебе! Да усохнут уста, хулящие Всевышнего, сгниют нечестивые языки, поразят неверных мор и проказа! Алла акбар!»

Муэдзин на минарете затянул призыв, и Имад послушно опустил на колени. Голени его тонули в мягком ворсе багдадского ковра, заботливо расстеленного на балконе евнухом, упругие шерстинки щекотали пальцы босых ног, но эмир не чувствовал этого – исступленно творил молитву, прося Вездесущего не оставлять его своими милостями. Защитить от врагов и бед, ниспослать расположение Несравненного, умножить потомство и – о милостивый! – спасти одну страдающую душу. Иншалла, на все воля твоя, но помоги, Милосердный!..

Когда Имад, резко отдернув полог, вошел в зал, Ярукташ уже ждал его. Склонился в глубоком поклоне.

«Когда успеваешь молиться?! – сердито подумал эмир. – И молится ли? Эти христиане, принявшие ислам...»

Но он тут же забыл гнев, впившись вопросительным взглядом в круглое лицо евнуха. Тот поежил и прикрыл жирными веками бесстыжие глаза. И только потом еле заметно покачал головой в чалме.

– Что говорят лекари? – хрипло спросил Имад, хрустя пальцами.

– Не доживет до полудня, – промолвил Ярукташ, не поднимая взора. – Прости, господин. Будь мы в Каире или Дамаске...

– Неужели в округе нет ни одного доброго лекаря?! – в отчаянии воскликнул эмир. – Ты хорошо искал?

– Конные отряды обшарили все окрест. Страна разорена, лучшие лекари ушли с войском Несравненного, а он далеко на побережье – изгоняет неверных из Тира. Не менее трех дней пути в одну сторону. Султан не откажет тебе, верному своему рабу, в такой ничтожной просьбе, но пока лекарь прискачет... Прости, господин.

Голос евнуха дрогнул, и Имад насторожился. Неслышно ступая сафьяновыми туфлями по каменному полу, подошел и жестко взял слугу за жирный подбородок. Вздернул кверху. Глаза Ярукташа быстро заморгали.

– Армянин! Ты хочешь, чтоб я зарезал тебя, как овцу на базаре?!

Взгляд евнуха стал осмысленным и твердым. Имад в который уже раз поразился умению наперсника сохранять присутствие духа.

– Земли за Кедром, жирные и плодородные, – прошипел Имад, старательно сдерживая гнев, – сколько глаз видит вокруг. Твои родственники-христиане будут молиться за тебя, пока не перейдет этот мир!

– Не надо! – решительно сказал евнух, и Имад отступил в удивлении. – Я не меньше тебя люблю Мариам!

Осознав, что забылся, Ярукташ склонился в поклоне.

– Прости, господин! Ты хозяин и повелитель, а я...

Имад только махнул рукой:

– Говори!

– Есть один лекарь...

– Почему он до сих пор не здесь?! – глаза эмира закрыло черным.

– Он христианин. И я думал...

– Армянин? Грек?

– Франк.

– Лекарь?.. Когда франки пришли сюда, на землю Аллаха, они не умели ничего. Они и сейчас не умеют. Грязные животные! Дикие звери, способные только отчаянно драться!

«Дерутся они хорошо!» – вздохнул про себя эмир и продолжил:

– Их раненые и больные мерли в то время тысячами! Если они и научились лечить, то у нас! Как фрак может знать более правоверного?

– Прости, повелитель! – снова склонился евнух.

Но Имад уже понял, что Ярукташ говорит не зря. Безумная надежда перехватила ему горло, и он ничего не сказал. Сделал знак. Евнух понял.

– Позволь, я позову Ахмеда?

Не дожидаясь разрешения, Ярукташ побежал к входу и через несколько мгновений вернулся с дюжим воином в цветной чалме. Не дойдя двух шагов до эмира, воин упал на колени и стащил с головы чалму. На гладко выбритом черепе, справа от темени, розовел большой подковообразный шрам.

– Потрогай, господин! – евнух коснулся пальцами шрама, приглашая. Имад пожал плечами и шагнул ближе. Возложил ладонь. И сразу же ощутил прохладу. Внутри подковы на голове Ахмеда, под тонкой кожей, явственно ощущалось что-то твердое и холодное. Вопросительно взглянул на евнуха.

– Ахмеду проломили голову в схватке с франками месяц назад, – пояснил тот. – Наш лекарь сказал, что он не доживет до заката, и лучше его добить, чтобы успеть с похоронами к ночи, как надлежит правоверным. Ахмед еле дышал. Тогда вызвался этот франк...

– И что? – голос Имада стал хриплым.

– Он содрал кожу с раны, выбрал ложечкой из мозгов Ахмеда костяные осколки. Затем расклепал на наковальне серебряную монету, обрезал ее по форме дырки, расщепил края и закрепил на кости. Пришил кожу на место. Не знаю, может ли кто из наших лекарей в Каире сделать подобное, но я слышу впервые. Ахмед очнулся к вечеру, а через неделю встал. Сейчас он несет службу в твоём дворце, как остальные воины. Только не любит облака.

– Облака? – удивился эмир.

– Когда небо затягивает туча, у него болит голова.

Воин, не вставая с колен, закивал, подтверждая.

– Поэтому в пасмурную погоду я освобождаю его от службы. Он идет к себе и лежит на ковре, пока боль не пройдет. Но не жалуется. Дождь здесь бывает редко, и лучше пусть голова болит, чем ее не будет совсем.

Воин снова закивал.

– Пусть облака! – с тоской в голосе сказал эмир, и евнух понимающе моргнул жирными веками. Легким толчком подняв Ахмеда на ноги, увел его к двери...

* * *

Франк оказался немолодым, с заметной проседью в бороде и серебристыми нитями в волнистых черных кудрях. Он вежливо поклонился и встал прямо, смело глядя в глаза эмиру.

«Не бойся», – понял Имад и почему-то обрадовался.

– Где учился лечить? – спросил, придавая голосу суровость.

Подскочивший евнух быстро перевел. Франк ответил.

– В своей земле, – пояснил Ярукташ. – Но я не понимаю, где она. Это не Аквитания и не Окситания, не земля англов или франков, не Германия, не Венеция и не Латиния. Говорит, что земля его за морем, которое греки называют Понтом Эвксинским.

– Там живут номады, дикие кочевники, – удивился Имад. – Я видел их. Язычники... Он не похож.

Евнух облизал губы. Переспросил лекаря.

– Говорит, что возле моря действительно живут кочевники, Но его земля лежит много дальше к холодному морю. Полгода у них лежит снег, да такой, что повозки не могут проехать по дорогам, и их ставят на полозья. Хотя лето там жаркое. Не знаю... Он говорит на многих языках: прованском, англов, франков, понимает латынь...

– Что привело его сюда?

– Что и других, – пожал плечами Ярукташ. – Стремление поклониться святыням. Он пришел сюда с другом, но попал в неудачное время. Один из отрядов Несравненного захватил их на дороге к Эль-Кудсу, который они зовут Иерусалимом, далеко отсюда, еще перед осадой. Мы знали, что Иерусалим падет, поэтому рабы стоили дешево. Я купил их за пару сапог. И считал, что дал дорого.

– Он может спасти Мариам?

Пленник кивнул.

– Пусть скажет, как.

Лекарь заговорил, и Имад обратился в слух.

– Он знает, что у твоей любимой жены поперечное положение плода, поэтому он не может выйти наружу. Я сказал ему это, – смущенно пояснил евнух в ответ на взгляд эмира. – Он говорит, что, если не вмешаться, у роженицы разорвутся внутренности, и она умрет в мучениях. Единственное спасение – разрезать живот и достать ребенка. Затем зашить рану.

– Ребенок при этом погибнет?

– Он говорит, что если не поздно, то удастся спасти и плод.

– Он знает, на что идет?

Ярукташ спросил, и пленный кивнул.

– Не бойся?

– Говорит, что будет до смерти укорять себя, что мог помочь и не решился. Если ты, господин, откажешь, то он укорять себя не станет. Только просит отослать его на работы в другое место. Мариам так страшно кричала этой ночью, что он не мог спать. Хорошо, что ей дали травы, – добавил евнух поспешно. – Я тоже не спал.

Имад внимательно осмотрел странного лекаря. Одежда его была простой, но на удивление чистой. Руки – маленькие, аккуратные, совсем не похожие на грубые лапы франков – тоже были чисты, даже ногти аккуратно подстрижены. Эмир мысленно представил, как эти руки будут мять живот Мариам... Округлый, мягкий, прохладный, нежный как шелк и так зазывно пахнувший розовым маслом... С глубокой впадиной пупка, куда вместится чашка этого масла... Имад облистал пересохшие губы.

– Он не хочет принять истинную веру? Ему предлагали?

– Он отказался.

– Почему?

– Говорит, что родители его были христианами. А он почтительный сын.

– Родители его далеко, если вообще живы! Пусть не лжет!

– Говорит, что не видит смысла в принятии клятвы Аллаху – бог один. Только люди молятся ему по-разному. Это он так считает, – поспешно добавил Ярукташ.

– Может, он и прав, – задумчиво произнес эмир и строго глянул на евнуха. – Дай ему все, что попросит. И делай, что скажет. Немедленно. Веди его!..

Отдав приказ, Имад вышел на балкон и некоторое время смотрел на суету проснувшегося города. Ржание лошадей и мычание волов, блеяние овец, крики людей и скрип повозок долетали вверх, но эмир вдруг понял, что не различает звуков – они сливаются в один тревожащий сердце гул. Вдобавок глаза его не видели людей и животных – одна подвижная пестрая масса колыбалась внизу.

Имад ушел с балкона, пересек тронный зал бывшего королевского дворца и поднялся на галерею. Из зала к ней вела каменная лестница без перил, которая заканчивалась тяжелой дверью. Имад осторожно приоткрыл ее и скользнул внутрь. Галерея была деревянной, ее пристроили к стене соседнего зала, чтобы больной проказой король Балдуин, прячась за портьерами, мог смотреть, как в соседнем зале франки со своими дамами пируют за длинным столом.

Стол из зала давно вынесли, вместо него застелили пол яркими коврами, разложили атласные подушки – теперь здесь отдыхали жены эмира, наслаждаясь сладостями и музыкой. Галерея и портьеры остались. Их только вымыли розовой водой, чтобы зараза, сведшая в могилу проклятого правителя франков, не перекинулась на правоверного. Имад любил в свободный час подниматься сюда, тайком любуясь на возлежавших на подушках женщин. А те, словно догадываясь о его присутствии (не догадывались – знали!), принимали позы одна другой соблазнительнее. Не однажды случалось, что Имад, распавшись, скатывался вниз по лестнице и летел на женскую половину. Там хватал за руку избранницу и тащил в ближайшую комнату. Чаще всего избранницей становилась Мариам. Даже когда огромный живот мешал ей, она шла за мужем, не спеша, показывая в своей загадочной улыбке ровные, белые зубы – прекрасные, как все у нее. Удивительно, но беременность совсем не испортила жену: все так же чиста и атласна была кожа на круглом лице, сияли огромные черные глаза под изогнутыми, как крылья чайки, бровями, а пухлые губы маленького рта манили неземной сладостью ласк... Ярукташ как-то сказал эмиру, что такое красивое лицо бывает у беременных женщин, когда они носят мальчика...

Имад скрипнул зубами, но овладел собой. Осторожно выглянул за портьеру. Ковры и подушки уже убрали из зала и поставили стол – не такой длинный, как прежде у франков, но и не маленький. Застелили его чистым покрывалом. Лекарь стоял рядом, раскладывая на полотно свои инструменты. Эмир не сразу узнал его: франк (Имад решил звать его так) завязал голову платком, скрыв пол-лица, – одни глаза смотрели строго из-под насупленных бровей.

Ярукташ с другим евнухом привели Мариам. Она шла, покачиваясь и придерживая живот обеими руками – было видно, что находится под воздействием сонной травы. По знаку лекаря евнухи уложили роженицу на стол. Она встрепенулась было, но франк положил ей ладонь на лоб и что-то забормотал. Глаза Мариам закрылись, и она расслабленно откинулась на покрывало. Франк возложил два пальца на шею Мариам, подержал немного, а затем поднял руку женщины. Отпустил. Рука безжизненно упала на стол.

По знаку лекаря Ярукташ распустил тесьму на шелковых шароварах роженицы и стащил их до колен. Второй евнух помогал, приподымая безжизненное тело. Затем оба укрыли Мариам покрывалом до самого лона. Отступили на несколько шагов. Франк омыл руки в большой медной чаше, затем этой же жидкостью стал мыть женщине живот. Трепещущими ноздрями Имад уловил запах – укус!

Эмир не заметил, как в руках лекаря появился нож; увидел уже рану, наискосок прорезавшую живот Мариам. Лекарь схватил щипцы, быстро зажал ими края разреза сначала с одной, затем другой стороны, растащил их в стороны. Затем сунул руку в разверстое чрево и вытащил нечто красное и окровавленное, как тушка свежесобранного ягненка. Имад услышал звонкий шлепок, затем тихое мяуканье. В следующий миг звонкий плач прорезал напряженную тишину зала.

От стены к столу метнулась женщина в черном платье и белом платке, Имад тут же узнал ее – Зейнаб, старая повитуха; когда-то она принимала его самого. Руками, обернутыми шелковыми пеленами, Зейнаб выхватила ребенка у лекаря и убежала. Когда эмир пришел в себя, франк уже зашивал рану, ловко махая иглой.

Имад вышел из галереи и спустился в тронный зал. Некоторое время (он и сам не понял, сколько) стоял, невидяще глядя в стену. Очнулся от топота ног.

Ярукташ, запыхавшись, влетел в зал. Широкая улыбка сияла на круглом жирном лице.

– Сын! У тебя родился наследник, господин! Зейнаб сказала, что он настоящий богатырь, как и его отец! Здоровый! Укусил кормилицу за грудь – так сосал!

«Иди к Мариам!» – хотел приказать Имад, но язык не повернулся. С вестником о наследнике (первом и самом желанном!) говорить строго запрещал обычай.

– Земли за Кедром, армянин, жирные и плодородные! Сколько глаз видит! Твои родственники-христиане будут молиться за тебя!

Евнух склонился в поклоне до самого пола и тут же убежал. Имад неосознанно побрел к балкону, вышел и облокотился на перила. Внизу шумел суетливый Эль-Кудс: купцы торговались с покупателями, медленно брели по улице волы, таща открытую повозку, груженную мешками с зерном, бежали по своим делам люди, неспешным шагом ехала вдоль улицы конная стража. Эмир вдруг понял, что он различает каждого из попавших в поле зрения людей: цвет их одежды, выражение лиц... Звуки тоже были разными: визгливый скрип несмазанных колес, резкие крики людей, глухой топот лошадиных копыт...

«Я назову его Юсуф! – решил Имад, улыбаясь самому себе. – Несравненный будет доволен, да продлит Всевышний его дни! Салах-ад-Дина не будет, когда сын станет мужчиной – повелитель слишком стар. Однако память о нем будет вечной, а сын будет знать, что его назвали в честь освободителя Сахеля от неверных. И что родился он в Эль-Кудсе, вскоре после освобождения города от франков. С таким именем и с такой родословной ему придется стать великим. У него не знатный отец. Но кто теперь вспоминает, что Салах-ад-Дин из простого рода, к тому же курд?! Отпрыски великих Фатимидов, которые ранее в сторону господина смотреть не хотели, теперь ползают перед ним на животе и рады, когда он удостоивает их взглядом. Алла Акбар!»

Эмир радостно засмеялся. Впервые за последние дни...

1

Птица парила над Тмутараканью, раскинув громадные треугольные крылья. Выписывая круги над древним городом, она словно высматривала добычу, то опускаясь ниже, то взмывая в недоступную синеву. Два всадника в ярких халатах и меховых шапках наблюдали за ее полетом, задрав головы.

– Третий раз прилетает, – сказал один, качая головой. – Не к добру.

– И опять человека в когтях держит, – подтвердил второй. – Зачем, если схватила добычу, сюда лететь?

– Может, бросит его?

– В прошлый раз не бросала, и сейчас не бросит!

– Тогда что хочет?

– Вдруг человек ею командует? Она его носит, а он высматривает здесь? Лазутчик...

– Кто может такую птицу приручить, а? К ней подойти страшно! Отсюда смотреть – с орла величиной, а до нее две сотни шагов! Человек в ее когтях как червяк!

– За морем Хвалынским, за горами живут люди, которые, как говорят купцы, приручили животных величиной с гору. Ноги у тех зверей как деревья, клыки кривые и длиннее наших сабель раз в пять, а спереди толстый хвост, которым этот зверь хватает врагов, бросает себе под ноги и топчет. Если таких чудовищ приручили, почему птицу нельзя?! Не к добру... Лазутчик высмотрит все, а потом врагов наведет.

– Надо убить!

– Стрела не достанет, – с сожалением сказал всадник, рассказывавший про страшных зверей. – Пытались в прошлый раз. Как только начали стрелять, птица улетела к морю. Она всегда улетает туда.

– А если подождать ее у Дива? Там гора...

– Скачем! – без промедления отозвался второй всадник.

...Закончив выписывать круги над Тмутараканью, птица и в самом деле направилась к морю. Всадники, притаившись у подножия громадного каменного идола на высоком скалистом берегу, терпеливо поджидали ее. Когда птица, снизившись, показалась над ними, оба натянули луки. Щелкнули тетивы, и две стрелы, свистнув опереньем, пронзили крылья чудовища. Всадники завопили от радости. Птица странно заклекотала, и, выпустив струю сизого тумана, быстро скользнула в синюю даль над морем. Вторично всадники стрелять не стали – слишком далеко. Туманное облачко, выпущенное птицей, опустилось к земле и накрыло обоих.

– Ну и вонь! – сказал один из всадников, откашливаясь. – Глотку перехватило!

– У наших животных другой воздух из кишок! – подтвердил второй. – Мы, наверное, подстрелили саму птицу Рух.

– Ух ты!

– Кто еще может носить человека в когтях? Теперь она здесь долго не появится!

– Почему?

– Мы ранили ее, она выпустила ветер от страха. Не полетит больше!

– Мы расскажем об этом всем!

– Конечно! Кто в орде сможет похвалиться, что ранил птицу Рух? Хан даст награду!

Всадники, довольные, зарысили к городу. Если б они задержались ненадолго, то узрели бы необычное. Со стороны моря в небе показалась маленькая точка, которая, все увеличиваясь, скоро превратилась в недавно обстрелянную птицу. Она скользнула под скалистый берег и села на пустынном пляже, засыпанном обкатанными морем камешками – прямо под каменным идолом. Человек, приземлившись на берегу мотодельтаплан, отстегнул ремни и стал торопливо развинчивать крепления каркаса. Сверху, от проема пещеры, к нему спешили люди.

– Опять? – спросил седой кряжистый мужчина, вытаскивая стрелу из разрисованного под орлиное оперение крыла дельтаплана. – Говорил же: не снижаться в зону поражения!

– Я и не снижался! – сердито ответил пилот, складывая трубы каркаса. – На берегу, в засаде подкараулили. Здесь! – он кивнул вверх. – Охотнички хреновы! Выследили... Лечу себе спокойно, никого не трогаю, произвожу видеосъемку, а они... Пришлось включить мотор и дать понюхать выхлопных газов.

– Где они сейчас?

– Ускакали... Доблестью своей хвалиться.

– Хорошо, что целили в крылья, – задумчиво произнес седой, трогая пальцем остро отточенный наконечник стрелы.

Подбежавшие мужчины – все в одинаковых, защитного цвета комбинезонах – помогли пилоту сложить дельтаплан и затащить его в пещеру. Спустя несколько минут берег стал пустынен, как часом, днем, годом, столетием раньше...

А вот у другого входа в ту же пещеру за небольшим раскладным столом, который полностью укрывала разложенная карта, спустя некоторое время сидели трое мужчин в защитных комбинезонах. Уже знакомый нам седой чертил красным карандашом на карте прямую толстую линию.

– Примерно здесь промежуточная посадка, – сказал, ставя жирную точку. – Высадишь исследователей – и сразу обратно! – седой строго глянул на давешнего пилота. – Строго по радиомаяку, без отклонений! Три часа туда, три обратно, еще минимум два понадобится, чтобы сначала собрать в темноте автожир, а затем разобрать и перетащить его сюда, – седой покосился на стоявшую неподалеку винтокрылую машину, укрытую брезентом. – Надо, чтобы с рассветом на берегу моря уже ничего и никого не было.

– Справимся, Игорь Иванович! – бодро заметил мужчина с живым моложавым лицом, третий в этой компании. – На тренировках получалось.

– Если бы все и всегда получалось, как на тренировках! – вздохнул седой. – Тебе ли, майор, не знать?

– Может, в первый рейс с топливом? – спросил пилот. – Оставлю канистры с радиомаяком, а завтра полетим с исследователями. За день, думаю, канистры не растащат.

– Еще как растащат! – возразил Игорь Иванович. – Засаду устроят, как сегодня, и возьмут тепленькими. Сегодняшний урок не впрок? Там каждый – охотник...

– Летим ночью, без сигнальных огней...

– А звук? Вокруг пустая ковыльная степь восьмивековой давности! Ни городов, ни дорог, ни машин с самолетами... Звук летящего автожира слышен на десяток километров! Нет, Дима, все по плану. Поскольку автожир не в состоянии преодолеть за один раз нужные полтысячи километров и вернуться обратно, а это тысяча в оба конца, используем точку подскока. Сначала люди, а следующей ночью – канистры с топливом. Высаживаешь исследователей, они сразу – вперед. Им необходимо отойти от места высадки километров на пять, еще лучше – десять. Пока не выпала роса, да и трава, примятая людьми, успела подняться. С рассветом исследователи находят укромное место, прячутся. Там, по всем данным, зона лесостепи – укрытие обеспечено. Переживают день и только затем включают радиомаяк. Если будут проблемы, дают сигнал тревоги. В таком случае начнем спасательную операцию днем, – седой снова вздохнул. – Не дай Бог, конечно. Следует помнить, что имеем дело с враждебно настроенным к нам местным населением.

– Пулемет бы мужикам! – вздохнул пилот. – Или автомат.

– И базуку в придачу... Мы здесь, Дима, как воры в чужом доме. Вломились в пещеру, взломали проход в прошлое, неизвестно кем устроенный, а потом начнем из автоматов пулять? В двенадцатом веке от Рождества Христова?! Неизвестно, чем кончится.

– Телюк с Ноздриным уже побывали в прошлом, – возразил пилот, которого звали Димой. – И ничего.

– Они попали туда без оружия и даже одежды!

– Тем не менее, сумели выжить и вернуться, – с завистью сказал тот, кого седой назвал Алексеем.

– Потому и летят снова, – назидательно заключил Игорь Иванович. – Знают язык, обычаи, умеют носить местную одежду, разговаривать с жителями. Случись попасть в плен, осведомлены, как себя вести. Рвать рубаху на груди и демонстрировать половцам приемы каратэ не станут.

Седой с саркастическим видом покосился на Диму. Тот понурился.

– Вот так, товарищи офицеры, – спокойно продолжил Игорь Иванович. – Знаю, как хочется вам, Алексей Федорович, и вам, Дмитрий Александрович, хотя бы одним глазком увидеть древний Киев. Пройти по его улицам, поговорить с местным людом... – седой снова вздохнул. – Я тоже многое отдал бы... Может, и получится... Позже. На нынешнем этапе успех экспедиции обеспечивают Телюк с Ноздриным. Кстати, где они?

– Спят! – кивнул Алексей Федорович на палатку в отдалении. – Набираются сил – им работать ночью.

– Нервы у мужиков стальные, – завистливо сказал пилот. – Я не смогу.

– Придется! – твердо ответил Игорь Николаевич. – Отдыхайте, капитан Колбин! Вечером вы нужны бодрим. Мы с майором Егорычевым продолжим.

Колбин встал и, заученно дернув головой, отправился к ближней палатке.

– Зря ты! – тихо сказал Егорычев, когда Дмитрий скрылся в палатке. – Все равно не уснет.

– Пусть хоть попытается! Перед глазами мельтешить будет меньше.

– Нервничаешь?

– А ты?

– Я всего лишь отвечаю за снаряжение, – улыбнулся Егорычев.

– Проверил?

– До последней пуговицы. Рации и маяк исправны, снабжены запасным питанием. Одежда и вооружение исследователей аутентичны образцам двенадцатого века, продуктовый запас уложен. Кроме хлеба. Подвезут позже – свежий, испеченный по рецептам двенадцатого века.

– Когда Наполеон Третий в 1870 году спросил своего министра обороны, подготовлена ли Франция к войне, тот отрапортовал, что исправно все, включая гетры солдат, – язвительно сказал седой. – В результате выяснилось: ни хрена французы не готовы, и пруссаки гнали их до самого Парижа.

Егорычев засмеялся. Игорь Иванович пожал плечами и насупился.

– Предчувствие дурное, Игорь? – спросил Егорычев, перестав смеяться.

– Ноет здесь, – седой ткнул пальцем в грудь. – В Афгане, когда выбрасывали в тыл душманам, не волновался.

– Молодой был. Как Дима... Все тогда не волновались... Стареем... Дочь на дискотеке задержится – обычное дело, а я места себе не нахожу.

– Не один нервничаю. От экспедиции много ждут. И очень многие. Видеозаписи, сделанные Димой с дельтаплана, по рукам ходят. Знаешь, чьим?

– Догадываюсь.

– В том-то и дело. Чем меньше людей знают об операции, тем она успешней – закон разведки. А здесь... Хорошо, что пресс-конференцию перед началом не организовали – была такая идея у отдельных товарищей.

– Их можно понять. Привезут исследователи видеоматериал из Киевской Руси двенадцатого века – вся планета умоется. Кто сегодня обладает методикой проникновения в прошлое?

Никто. У кого имеется соответствующая технология? У нас. Значит, американцы присели и прикрылись веником. Русские – это варвары, говорите? А вот какие богатые, образованные, развитые и культурные мы были восемьсот лет назад! Европа отдыхает, пуская слюни... За нами весь мир ходить станет, за рукавчик дергать: «Дяденьки! Разрешите хотя бы глазком глянуть!..» Поэтому наверху дрожат от нетерпения.

– А мы здесь внизу – от страха.

– Проскочим!

– Да-то Бог!

– Пусть Бог дает. А мы здесь примем.

– Не задирайся с Господом, Леша! Плохо кончится.

– Все продумано и просчитано.

– Если бы!

– Поясни. По пунктам.

– Давай лучше по порядку. Полтора года назад в известном нам объекте, который местные зовут «Пещера дьявола», проходила спецоперация по освобождению особо ценного заложника. К операции привлекли двух гражданских специалистов, Ноздрина и Телюка, обладающих способностью, как говорят колдуны, отводить глаза. Ребята сумели проникнуть в пещеру и вывести заложника к своим. Но бандюги услышали шум, пошел огневой контакт, затем взрыв – пещера завалена камнями и кусками тел. Останков Ноздрина и Телюка не находят. Но через три с лишним месяца опять взрыв – Телюк с Ноздриным объявляются! Одетые в порты да рубахи, плюс кольчуги со шлемами. Привет тебе, Россия, от Киевской Руси! Мы там князя Игоря из плена спасали, с Ярославной, воспетой поэтами, мед-пиво пили. С половцами в чистом поле дрались, Путивль от супостатов отстояли. Обалдеть!

– Красиво рассказываешь, полковник Иванов! – оценил Егорычев. – Со сцены не пробо-вал?

– Подожди! С объявлением Телюка с Ноздриным исследование объекта передают в наш департамент, и мы за полгода сумели определить частоту излучения, открывающего проход в прошлое – взрывать больше ничего не нужно. Осторожненько сходили на тот берег и посмотрели: стоит на берегу моря огромный каменный идол, в отдалении – занюханый древний городок Тмутаракань, полностью оправдывающий свое имя.

– Зря ты так! Историки, как увидели видеозапись Колбина, чуть с ума не сошли. Слюна до подбородка текла!

– Пусть и дальше течет. Понимаешь, у нас ничего нет, кроме этой пленки. Ты уверен, что там и в самом деле двенадцатый век, а не какая-то иллюзия? Вдруг в пещере газ какой-то выделяется, и у каждого, кто заходит далеко, начинаются галлюцинации?

– Это тоже видение? – Егорычев подобрал с травы и положил на стол давешнюю стрелу. – Мы с тобой снаружи, газа здесь нет. Потрогай!

– Вдруг это долговременная иллюзия, – сказал полковник Иванов, задумчивая пробуя заточку наконечника стрелы. – Вдруг пещера генерирует такие голограммы, которые обладают свойством длительно воздействовать на чувства человека.

Егорычев засмеялся. Иванов хмуро покосился на него, затем, не выдержав, заулыбался сам.

– Понимаешь, – задумчиво промолвил полковник, когда друг и подчиненный перестал смеяться, – никогда еще я не проводил операцию с таким скудным набором исходных данных. Нет, чтобы потихоньку там осмотреться, пожить немного среди этих половцев...

– Они б тебя сразу – в рабство! Забыл, с кем имеем дело? Школьный учебник по истории читай! Конечно, было бы лучше, если б проход выводил прямо к Киеву. Но у нас есть только этот.

– Отсюда другой вопрос, оставшийся пока без ответа. Кто и когда его устроил?

– Одно могу сказать: не американцы! Зачем им проход на российском Северном Кавказе? Другие страны такие технологии не потянут.

– Получается, устройство неземного происхождения, неизвестно кем и для какой цели созданное. Хозяин поставил в нем защиту от аборигенов, но мы сумели ее преодолеть...

– Что инопланетянин придумает, русский всегда сломать может! – довольно засмеялся Егорычев.

– Теперь представь: в твой компьютер влез хакер. Сумел украсть информацию или нет – вопрос в данном случае несущественный. Суть в том, что система защиты зарегистрировала вторжение и дала тревожный сигнал. Рано или поздно хозяин компьютера сигнал получает и начинает разбор полетов. Если, как ты говоришь, инопланетянам удалось создать такое устройство, то что они сделают с тем, кто без спроса к ним влез?

– Мы здесь толчемся второй год. Срок немалый. Никто претензий на имущество не заявил. Бесхозное. Почему не использовать?

– Пусть так. Еще одно. Исследователи – штатские специалисты, никогда не состоявшие в кадрах разведки. Идут одни, без контроля.

– Как только осядут и укоренятся, прибудет подкрепление. Помнится, в этом списке твоя фамилия – первая...

– Когда это будет... Почему не разрешили сразу?

– Потому что риск. Представь: приезжают в Китай два своих, узкоглазых, а с ними – один европеец, который по-китайски ни гу-гу. И эти двое всем объясняют: ребята, не волнуйтесь, это свой! А что выглядит не по-нашему, так болел много...

– Не издевайся!

– Я – любя... Разведка не использует штатских? Окстись! Это классика, ее в школе преподают – на начальном уровне. Чего опасаться? Перевербуют исследователей? Кто? Князь Владимир Красно Солнышко?

– Он умер в десятом веке.

– Ну, князь Святослав из династии Ольговичей... Он, может, хотел бы нашими изобретениями воспользоваться, да только как их в двенадцатый век протащить? Проход один, а мы на страже. Исследователям тоже деваться некуда: к американцам не сбегут. Нет у янки Пещеры Дьявола! И не будет в обозримом будущем.

– Вдруг исследователи передумают возвращаться? Понравится им в Средневековье! Махнут в Новгород или даже в Краков? Где искать?

– У них семьи.

– Из семей не сбегают?

– Если жена старая или теща загрызла... У обоих жены молодые, красивые, и не чувствуется, чтоб парням надоели. У Телюка двое детей, у Ноздрина дочка только родилась. Их даже в СССР за границу выпустили бы.

– Времена другие. Почему они согласились пойти? В прошлый раз, если верить рассказам, еле выбрались домой – жизнь на волоске висела.

– Почему ты пошел в Панджшерское ущелье, хотя никто не заставлял? Духи награду за голову «хитрого шурави» объявили, но старший лейтенант Иванов настоял...

Полковник не ответил.

– Каждому нормальному мужику время от времени хочется испытать нечто отличное от радости переключивания бумажек из одного ящика стола в другой. Поэтому одни носятся на машинах, как сумасшедшие, другие прыгают в водопады...

– Тебе такого не хочется?

– Я свое отпрыгал. Через год на пенсию.

– Уйдешь майором?

– За эту операцию, надеюсь, звезду на погоны добавят. Мне хватит.

– Не будешь жалеть о работе?

– Пусть ее черти жалеют! Моему отцу не довелось внуков на руках подержать, а я хочу. У дочки жених – хороший парень, в банке работает. Сказали, что планируют минимум троих детей. Буду внуков нянчить, на даче с ними гулять...

Иванов насмешливо улыбнулся.

– Ваш сарказм, товарищ полковник, не обоснован, – обиженно сказал Егорычев. – Я и в самом деле хочу гулять с внуками.

– Кто не хочет? Но старый армейский конь волнуется, слышав звук боевой трубы.

– Моя труба отпела.

– Это вы зря, майор! Сообщаю, что приказом начальника экспедиции вы включены в состав второго отряд исследователей.

Егорычев набрал воздуха в грудь и, спустя минуту, с шумом выдохнул. Только взгляд сказал все.

– Как же без такого специалиста? – весело спросил Иванов. – Без мастера-оружейника, у которого все и всегда исправно до последней пуговицы?

– Дочка замуж выходит. В октябре, – хмуро сказал Егорычев.

– Успеешь. Пока Телюк с Ноздриным до Киева доберутся, пока осядут, натурализацию пройдут, связь установят...

– Вдруг придется спасать?

– Сам говорил: все предусмотрено. Придется спасать – уложимся быстро.

– Смотри, Игорь! – буркнул Егорычев. – Свадьбы я тебе не прощу. Я был в командировке, когда дочка родилась. Росла она, считай, без меня. Учителя в школе думали, что жена – мать-одиночка. Если еще и свадьба...

– Не кипи! Отгуляем вместе! У меня долг перед крестницей...

Офицеры замолчали. Первым заговорил Егорычев.

– Хорошие парни эти исследователи. Симпатичные. Как только их жены пустили?

– А тебя?

– Моей не привыкать.

– Женам Телюка и Ноздрина – тоже. Я читал личные дела. Как исследователей, так и жен их. Там такое...

– Не рассказывал.

– Тебе лучше не знать.

– Куролесили много?

– В двух словах не скажешь. Особенно впечатляют видеозаписи их прошлого дела со Службой.

– Они мне нравятся.

– Мне тоже. В том-то и беда. В нашем деле личная симпатия – помеха.

– Не можешь забыть Кандагар?

Полковник Иванов не ответил. Встал и направился к своей палатке. На площадке у пещеры стало слышно стрекотание кузнечиков.

«Зря я про Кандагар вспомнил, – покаянно подумал Егорычев. – Страшное было дело. Спасали одного, а положили полвзвода. Но Игорь тоже хорош! Хоть бы сказал про экспедицию! Я жену и дочь на всякий случай подготовил бы...»

Кручинился, впрочем, майор недолго. Заглянув в свою палатку, вытащил из сумки армейскую фляжку, приложился основательно, крякнул. Затем бросил в рот пилюлю, проглотил. Прилег на надувной матрац.

«Через полтора часа – регламентные работы, – определил Егорычев, глянув на часы. – Можно и вздремнуть. Дима разбудит».

Спустя минуту майор спал, устроив коротко стриженую голову между надувных ребер матраса. Полковник Иванов, заглянувший под полог спустя несколько минут, покачал головой, но будить не стал...

* * *

Ливень, осенний и холодный, низвергался с небес сплошным потоком, заглушая шаги. Волны, вздыбленные порывами ветра, ударяли в берег, швыряя пену до самого склона. Но люди, суетившиеся под входом в пещеру, не видели этого – такая темень стояла вокруг. Переговариваясь вполголоса, они вытащили на берег тяжелый аппарат и торопливо занялись его оснащением.

«Лучшей ночки для десанта не придумать! – думал Иванов, придерживая лопасть автожира, которую механик торопливо прикручивал на место. – Но и нам беда: работаем почти наощупь, приборы помогают мало. Или не докрутят чего, или забудем что...»

Однако, несмотря на темноту и дождь, работа вокруг него кипела, Иванов порадовался, что послушал Егорычева, изнурявшего механиков и экипаж долгими тренировками – люди научились работать вслепую.

– Закончили, Игорь! – услышал он рядом и сразу узнал голос майора.

– Где исследователи?

– В корзинах.

Иванов подошел к смутно темневшему во мраке автожиру и нащупал сидевшего в решетчатой легкой кабине – «корзине» – человека. Тот понял и, найдя руку полковника, крепко пожал.

– Удачи! – выдохнул полковник.

– Не волнуйтесь, Игорь Иванович, не растаем! – ответил исследователь, и Иванов узнал звучный баритон Телюка. – Не привыкать.

– Всем отойти к пещере! – уже не таясь, закричал полковник. – Автожиру на взлет!

В шум ветра и дождя вплелся свистящий звук включенного мотора; набрав обороты, он взревел, и в ночной темени появился отчетливо видимый круг – лопасти автожира, сталкиваясь с каплями дождя, превращали их в водяную пыль. Круг плавно сместился вперед, затем ускорил бег по берегу и, спустя несколько мгновений, пропал в небе. Несколько раз мигнула красная сигнальная лампочка на кабине (пилот давал знать, что взлет прошел нормально), а затем и она погасла. Остался только звук, быстро перебитый грохотом волн и шумом дождя.

– Всем на базу! – велел Иванов и лично пересчитал в пещере каждого из команды обеспечения, подсвечивая мокрые лица тонким лучом маленького фонарика. На той стороне прохода он объявил пятичасовой отдых и направился к себе в палатку. Зажег фонарь, устало присел на походную койку и потянулся к шнуркам ботинок – снять. И вдруг взгляд его замер.

– Песок! – изумленно сказал полковник, трогая пальцем перепачканный ботинок. – Настоящий! Там же везде была галька! Откуда песок?..

2

Лязгая по каменным ступеням золочеными шпорами, Роджер поднялся в трапезную. Юный оруженосец Ги, стройный и гибкий, встретил его у входа. Почтительно поклонился.

– Кто в этот раз? – сурово спросил рыцарь, глядя прямо в глаза Ги. – Опять греки? Или армяне?

– Нет, господин.

– Франки?

– Нет.

– Откуда же?

– Я не знаю этой страны. Она далеко за морем ромеев. Старший из них хорошо говорит на прованском, знает язык франков и даже англоv. Тот, что помоложе, как я понял, говорит только по-своему. Оба знатного рода.

– На прованском? – поднял бровь Роджер. – Давно не видел пилигримов из Оквитании.

– Он не оттуда.

«А язык знает!» – хотел возразить Роджер, но промолчал. Спросил другое:

– Где нашел?

– Бродили по рынку, выспрашивая у купцов, как добраться в Акру.

– В Акру? – усмехнулся Роджер. – К Саладину?

– Они не знали, что султан взял нашу крепость. Слишком долго были в плену.

– Пленные, что выкупились после сдачи Иерусалима, давно ушли! Им поздно привезли деньги?

– Их не выкупали. Эмир отпустил так.

– Какую услугу надо оказать сарацину, чтобы он отпустил пленника? Кого ты привел, Ги?

– Взгляни сам, господин! – оруженосец отступил в сторону.

Позванивая шпорами, Роджер прошел внутрь. В огромном зале госпиталя иоаннитов, где когда-то одновременно садились за трапезу две сотни пилигримов, теперь было пусто и неуютно. Двое мужчин в простых хлопковых одеждах у высокого стрельчатого окна это словно ощущали – жались плечом к плечу. Роджер подошел ближе. Тот, что помоложе, оказался высок и широк в груди, с длинными руками и ногами – в сражении, когда дойдет до рукопашной, такого лучше обойти: за щитом достанет. Понятно, почему Ги привел его. Второй пилигрим выглядел обыкновенно: средних лет и среднего роста, коренастый. Разве что глаза... Зеленые, глубокие, они словно пронзали насквозь, высвечивая самые затаенные уголки души. Когда гости склонились в поклоне, Роджер почувствовал облегчение: стоять под этим взглядом было неприятно.

– Я Роджер, барон д'Оберон, – сказал по-провански. – Кто вы?

– Меня зовут Козма, – ответил коренастый на том же языке. Говорил он с затруднением, но правильно. – Моего товарища – Иоаким.

– Ты грек?

– Нет.

– Козма – греческое имя.

– Мы получили веру от греков и молимся по византийскому обряду. Поэтому многие имена – греческие.

Роджер внимательно посмотрел на собеседника. Волнистые черные волосы почти до плеч, черного цвета борода с заметными нитями седины. Лицо не смуглое, как у греков, да и глаза... Такого цвета глаз у греков не встречается. У Иоакима глаза карие и волосы черные... Кто их разберет! Под властью константинопольских императоров столько народов перемешалось!

– Оруженосец сказал, что вы знатного рода, – сказал рыцарь по-гречески. По недоуменным глазам чужаков увидел: не поняли. Роджер повеселел и повторил тоже по-провански.

– Иоаким может перечислить своих предков до четырнадцатого колена, – ответил Козма. – Я достоверно знаю до девятого.

– Более чем достаточно, – проворчал Роджер. – Германцы требуют до шестнадцатого, но здесь не Германия. В Святой Земле, коли на то пошло, плевать хотели на ваше происхождение. Бастарды здесь становились баронами, а бароны уезжали в лохмотьях. Значение имеют только копье и меч. Приходилось держать в руках?

Козма что-то быстро сказал товарищу, и тот согласно кивнул.

– Он может с тобой сразиться, – перевел Козма. – Выбирай оружие!

– Вот это разговор! – хмыкнул Роджер. – Меч – настоящее оружие благородного! Если он владеет им, титулов не нужно.

Подскочивший оруженосец подвел гостей к столу, на котором лежали кольчуги и мечи. Иоаким, не торопясь, выбрал доспех, и по тому, как он ловко надел на себя металлическую рубашку, уверенно застегнув ее сбоку от горла, Роджер понял: чужак к ней привычен. Набросив на голову капюшон из стальных колец, Иоаким перешел к мечам. Каждый по очереди брал за рукоять, крутил над головой и перебрасывал из руки в руку. Наконец, оставил сарацинский, кривой.

– Почему он выбрал этот? – любопытствовал Роджер.

Козма переспросил и тут же ответил:

– У этого лучший баланс – хорошо лежит в руке. К тому же он привык рубить кривым – с коня сподручнее.

– Когда скачешь на коне, выставив перед собой меч, он пробивает доспехи врага насквозь, – сердито сказал Роджер. – И сделать это можно только прямым мечом. Твой друг этого не знает?

– У нас для этого применяют копье, – перевел Козма. – А мечом рубят.

– Как сарацины, – пожал плечами рыцарь. – Что ж, проверим... Переведи: бьемся до первой крови! Ноговиц из кольчуги здесь нет, поэтому по ногам не рубить!

Ги снял с сапог рыцаря шпоры, подал маленький треугольный щит. Иоаким взял такой же со стола, и противники встали друг против друга. Зазвенел меч, выхваченный Роджером из ножен, Иоаким поднял свой выше плеча, отведя руку чуть назад – острием вперед.

«Неплохо! – оценил рыцарь и сделал первый выпад. Иоаким легко отбил щитом, продолжая целиться острием ему в лицо. – Очень даже неплохо, – продолжил Роджер, нанося диагональный удар. – Крепко стоит!»

В следующий миг он перестал думать. Противник двигался вокруг него легко, словно играючи, при этом ноги его оставались широко расставленными, а сарацинский меч бабочкой порхал в воздухе, словно прощупывая оборону рыцаря. Отбитый щитом или лезвием, кривой меч замирал в прежней позиции – острием к противнику. Рыцарь попытался сбить щит Иоакима своим, ударяя им то сбоку, то снизу – не выходило, Иоаким вцепился в рукоять железным хватом. Не получались и финты: чужак отражал выпады настолько умело, встречая удары меча сильной частью клинка и в нужной позиции, что рыцарю приходилось быть настороже, дабы не нарваться на встречный укол. Очень скоро Роджер почувствовал, как рубашка под кольчугой набрякла влагой, струйки пота из-под железного капюшона залили глаза. Только сейчас рыцарь в полной мере оценил длину рук соперника – тот не допускал его на расстояние решающего удара, но в тоже время не наносил таковой сам, словно забавлялся. Непривычной для Роджера была манера боя Иоакима: он не стремился грубыми ударами проломить оборону противника или ошеломить, а словно в игру играл. Рыцарь почувствовал, что начинает уста-
вать.

– Стой! – выкрикнул он и отступил на шаг. Иоаким послушно замер. – Не надо крови! Я беру тебя. Ты знаешь меч. Но вряд ли когда-либо бился им в настоящем сражении.

– Как ты узнал? – удивился Иоаким. Козма перевел.

– Ты держишься, словно у тебя единственный враг, которого ты и пытаешься обхитрить. Так бьются на турнирах и в фехтовальных залах – один на один. В настоящих сражениях на хитрость нет времени. Врага надо свалить быстро. Увязнешь – наскочат сбоку или со спины. Хорошо, если оруженосец защищает сзади. А если он убит? Или ранен?

– Быстро не получится! – возразил Иоаким.

– Думаешь? – сощурился Роджер.

Он ударил так стремительно, что Иоаким не успел отскочить. Прямой клинок рыцарского меча с лязгом пробил щит гостя, который тот держал в стороне от себя, на треть своей длины. Иоаким отшатнулся.

– Я мог это сделать во время боя, – насмешливо сказал рыцарь. – Просто и быстро.

– Почему не сделал?

– Не хотел тебя убивать. Когда пробиваешь щит, трудно рассчитать, насколько глубоко вонзится клинок и заденет ли противника. Железу достаточно впиться в тело на ширину ладони – и война уже ничто не спасет! Я должен был тебя поцарапать, как договаривались, но ты слишком хорошо обороняешься. А вот убить тебя я мог легко.

– Я не знал, что меч пробивает щит.

– Смотря какой меч!

Роджер рывком вытащил клинок и поднес его к глазам Иоакима. На голубовато-серой поверхности прихотливо змеились линии многократно прокованных слоев металла. Лезвие меча пробило окованное железом дерево щита без всяких последствий для себя – ни искривлений, ни зазубрин.

– Настоящая дамаская сталь! – гордо сказал Роджер. – Когда-то это была сабля эмира. Я взял ее в бою и приказал кузнецу перековать в прямой меч. Смотри!

Роджер положил клинок на кольчужный капюшон, защищавший голову. Подскочивший Ги забрал у него щит, рыцарь взялся правой рукой за рукоять, а левой, в кольчужной перчатке – за кончик лезвия. Резким движением рук согнул клинок в дугу. Затем отпустил левую руку. Клинок расправился с тихим звоном. Рыцарь поднес его к глазам Иоакима, чтобы тот оценил – лезвие даже на волос не искривилось.

– Я убил им добрый десяток сарацин! Тебе приходилось убивать мечом?

– Однажды.

– В турнире?

– На поле боя.

– Это был язычник?

– Христианин. Казнь. Я срубил ему голову.

– Ты был палачом?

– Нет. Виновный убил моего друга – в спину из арбалета. Мне выдали его головой.

– Больше убивать не приходилось?

– Я участвовал в нескольких битвах, убитых не считал. С десяток будет. Язычников.

– Чем убивал? Копьем, палицей?

– Кистенем.

– Страшное оружие! – согласился Роджер. – За щитом не укрыться – гирька на цепочке обходит край и бьет по руке. А то и по шлему. Я дам тебе кистень! Но и меч тоже. Никогда не знаешь, как все сложится.

Он обернулся к Козме.

– Мне вряд ли стоит биться с тобой, господин, – улыбнулся тот. – Если Иоаким не справился, то я и подавно. К тому же я не воин – лекарь.

– Мне не нужен лекарь! – нахмурился Роджер. – Я собираю отряд. Ты никогда не сражался?

– Было.

– Много убил?

– Двоих.

– Мечом? Копьем? Кистенем?

– Просто столкнул их в пропасть.

– Они это не ждали?

– Они напали первыми и хотели столкнуть меня. Но у меня получилось лучше.

Роджеру не понравилась интонация, с какой Козма произнес эти слова. Он в упор глянул в зеленые глаза собеседника и тут же отвел взгляд.

– Убитые тобой были язычниками?

– Не знаю. Не успел спросить. Слишком быстро все произошло.

И снова Роджеру не понравилось интонация. Он спросил сердито:

– Так ты не владеешь оружием?

– Я стреляю из арбалета.

Рыцарь повернулся к Ги:

– Принеси!..

Козма принял из рук оруженосца арбалет и сначала приложил его к плечу, примериваясь. Затем ловко вставил ногу в стремя и оттащил крючком тугую тетиву стального лука. Вложил в канавку короткую стрелу-болт и зашарил глазами по залу в поисках цели. Вскинул оружие и нажал спуск. Звонко щелкнула тетива, и почти сразу же послышался глухой удар.

Роджер двинулся в противоположный конец зала, все устремились за ним.

Окованный железом щит, висевший на балке под потолком, был пробит насквозь. Стрела попала прямо в лоб быка, голова которого красовалась на красном поле. Снаружи осталось только оперение болта.

– Хороший выстрел! – заключил Роджер и добавил: – Щит де Берга. Граф много жертвовал на госпиталь, поэтому братья-иоанниты повесили здесь его герб – дабы паломники знали, чьей милости обязаны своей трапезой. Будь Берг здесь, он разрубил бы тебя до пояса, – насмешливо сказал рыцарь Козме. – За поношение чести. Рубить он умел...

– Где граф сейчас? – заинтересовался Козма.

– Лежит на берегу Тивериадского озера, – хмуро ответил Роджер. – Где и другие рыцари Иерусалимского королевства. Барону разбили голову, когда мы пробивались к воде...

Рыцарь замолчал, затем тряхнул головой, отгоняя воспоминания.

– Почему эмир отпустил вас без выкупа? – сурово спросил он Козму.

– Я помог появиться на свет его сыну.

– Для сарацина великая радость, – согласился Роджер. – Если у него нет потомства, то остальные считают, что Аллах проклял его. Особо ценят мальчиков. Настолько, что готовы растить наших детей, обращая их потом в свою веру. Но у них и своих много. Они рожают детей столько, что мы не успеваем убивать... Молиться умеете? – спросил Роджер внезапно. – Читай Господню молитву!

– Патер ностер... – затянул Козма. Иоаким вторил. Закончив молитву, оба перекрестились.

– Как греки креститесь, – вздохнул рыцарь, – справа налево. Но Отче Наш читаете правильно. Все-таки трудно поверить, что эмир за успешные роды отпустил сразу двоих.

– Я спас от смерти его любимую жену! – обиженно сказал Козма. – Он не только отпустил, но дал одежду и денег.

– Женщина погубила это королевство – может, то же случится и с сарацинами? – задумчиво произнес рыцарь и добавил: – Я беру вас. Дам оружие, коней. И золотой безант за каждые

два дня службы – когда доберемся до места. Рыцарю платят больше, но рыцарь приходит со своим оружием, лошадьми и воинами...

– Нам нужно на побережье, в порт, – сказал Козма.

– На побережье везде сарацины. Путь туда – дорога в плен. До моря не доедете! Все шайки разбойников спустились с гор и движутся за войском Саладина в надежде на добычу. Мы направляемся в горы, в один из наших уцелевших замков. Оттуда ходят хорошо охраняемые караваны в Триполи и Тир. В любом из этих портов вы найдете корабль, который за один-два безанта отвезет вас в родную землю. Я подарю вам коней и оружие – вернетесь со славой. По-другому у вас не получится! – торопливо добавил Роджер, видя, как чужаки переглядываются.

– Путь нам предстоит долгий? – спросил Козма.

– В мирное время хватило бы недели, – пожал плечами Роджер. – Но сейчас война, дороги беспокойны... Зачем же я вас нанимаю? Собирайтесь, скоро выступаем!

Сделав знак Ги остаться с чужаками, рыцарь направился к выходу. И только на лестнице хватился шпор. Но возвращаться не стал.

«Следовало их сразу снять! – думал Роджер, спускаясь во двор. – Рыцарей с золочеными шпорами здесь не любят, и есть за что... Я в Иерусалиме два дня, могли и заметить. Теперь не страшно – к полудню будем уже за стенами!»

От этой мысли Роджер повеселел и даже затянул вполголоса гимн деве Марии, чего не позволил себе ни разу, с тех пор как появился в отвоеванном сарацинами Иерусалиме.

* * *

Повозка подъехала к Дамасским воротам со стороны рынка. Остановилась, подчиняясь знаку стражника. Десятник, не спеша, подошел ближе.

Повозка была обычной: крытый парусиной верх, два окошка по бокам, задернутые шторами из синего бархата. Крепкие колеса, пара рыжих в упряжке, средних лет возница на скамье за хвостами жеребцов. Два всадника сопровождения: один уже немолодой, с загорелым морщинистым лицом, другой – мужчина в самом соку, высокий и плечистый. Молодой одет неприятно, на пожилым – роскошный сюрко, местами, правда, потертый. У обоих на поясе мечи, на головах – шапки. У пожилого – из бархата в цвет сюрко, да еще с павлиньим пером. Франки!

Мысленно помянув шайтана, десятник подошел к повозке и резко отдернул шторку. И сразу же оказался лицом к лицу с молодой женщиной. Та ойкнула и торопливо прикрылась платком, оставив открытыми только глаза. Десятник от неожиданности тоже смутился.

«Какие грубые лица у женщин франков! – недовольно подумал он, отступая. – Скуластое, кожа загорелая... Не сравнить с нашими. Гурия! Ей только полы мести...»

– Кто такие? – сурово спросил десятник у подъехавшего пожилого франка, безошибочно определив в нем старшего.

– Паломники, – коротко ответил тот на лингва-франка. Голос у франка оказался густым и зычным. – Поклонились святым местам города Иерусалима и возвращаемся домой.

– Скажи своей женщине, чтоб вышла, – потребовал десятник. – Надо осмотреть повозку.

– Выездную пошлину я могу заплатить и без осмотра. Мы спешим: уже полдень, а дорога долгая.

Франк наклонился к начальнику стражи и вложил ему в руку золотой безант.

– Что везете? – поинтересовался десятник, пряча монету в кошелек.

– Себя! – пожал плечами франк. – Что можно вывезти из города, который захватили славные воины султана? Что тут осталось, кроме камней?

Слова франка, и даже не столько сами слова, сколько тон, с каким они были произнесены, вернули десятника в прежнее настроение.

– Скажи, пусть выходит! – процедил он сквозь зубы. – У меня повеление осматривать все повозки!

Франк вздохнул и полез в седельную сумку. Бережно достал завернутый в шелк пергаментный свиток, размотал ткань и протянул пергамент начальнику стражи. Тот развернул. Под арабской вязью текста стояла знакомая каждому правоверному Сахеля подпись. Десятник осторожно взял в руки печать зеленого воска, висевшую на цветном шнурке.

– Подлинная! – выдохнул над ухом подбежавший помощник. – Фирман Салах-ад Дина!

– Настоящим дозволяется барону д'Оберону, оказавшему нам большую услугу, – монотонно стал читать франк по-арабски наизусть, – а также свите его свободный и беспрепятственный проезд по нашим землям и по всем путям, кроме путей близ Красного моря... Море отсюда далеко!

Франк склонился и ловко выхватил фирман из рук начальника стражи, бережно завернул его в шелк и спрятал в сумку. Вопросительно глянул на стражников. Десятник сделал знак. Воины, преградившие повозке путь, расступились, и процессия медленно выехала за городские ворота. Десятник долго смотрел ей вслед, пока головы всадников не скрылись за ближайшим холмом.

– Какую услугу мог оказать многобожник Несравненному, чтобы ему дали такой фирман? – произнес он вслух.

– Всякое бывает, – загадочно сказал помощник, удивленный не менее его. – Он и пошлину мог не платить.

– У этих собак золота не счесть! – сердито ответил десятник, мгновенно поняв, что безант сдавать в казну теперь не обязательно. – Не обеднеет!..

Повозка тем временем быстро удалялась от города. Уже на спуске с иерусалимского холма возница огрел жеребцов кнутом и не давал им роздыху. Всадники молча рысили рядом. На развилке ватага повернула на север и долго ехала без остановок. Пока справа от дороги не показалась небольшая рощица сикомор. Роджер подскакал к вознице и указал на нее плетью. Козма (а именно он управлял повозкой), потянул правую вожжу, и пара жеребцов охотно затрусила в тень деревьев. У выбежавшего из-под камней родника в глубине рощицы Козма остановил повозку. Кони жадно приникли к воде. Соскочивший со своей скамьи Козма и спешившийся Иоаким примостились рядом с животными, погрузив лица в холодную влагу. Роджер постучал ручкой плети по ребру повозки.

– Вылезай, Ги, хватит девственницу из себя корчить!

За парусиновым пологом прыснули, затем из повозки, путаясь в длинном подоле женского платья, выбрался Ги. Неумело расстегивая пуговицы, он стащил нелепый наряд и хотел было забросить его за дерево, но Роджер упредил:

– Сложи в повозку!

– Опять переодеваться?! – жалобно спросил Ги.

– Понадобится – переоденешься! – жестко сказал рыцарь. – Забыл обет? Напоминаю. Послушание – это первое...

– Но в женском платье... недовольно протянул оруженосец.

– Врага бьют не только мечом, – примирительно сказал Роджер. – Когда врагов больше, хитрость уместна. Сарацины с детства боятся прикоснуться к женщине, которую сопровождают мужчины, – за это могут убить. А кади, их судья, признает убийство законным. Ни одному сарацину не придет в голову надеть женское платье – для них это позор. Поэтому они не подозревают, что мы способны на такое. Что с нами было бы, если б стража обыскала повозку?

Ги не ответил.

– Доставай оружие! – велел ему рыцарь.

Оруженосец нырнул под полог и скоро показался снова, волоча за собой огромный узел. Напившийся Козма помог вытащить груз.

– И как только стражник не заметил? – удивился он, развязывая узел. – Он же заглянул в окошко!

– Я сверху сидел! Закрыв подолом платья, – похвастался Ги и пожаловался: – Жестко было! Весь зад отбил! – оруженосец покраснел.

«Совсем пацан, – подумал Козма, разглядывая смущенное, в пятнах юношеского румянца лицо спутника. – Лет семнадцать, борода не растет. Куда ему воевать?»

– Поспешите! – сурово сказал Роджер. – Дорога долгая...

Спутники быстро разобрали кольчуги и пластинчатые доспехи. Иоаким с видимым удовольствием сунул за пояс кистень с двумя гирьками на железных цепочках. Козма, после безнадежных попыток, отложил в сторону свою кольчугу – мала.

– Надень доспех! – велел Роджер, заметив. – Грудь от стрел прикроет. Кольчуга от них все равно не спасет, а с мечом на повозку взобраться трудно. Отобьешься. Твое дело – стрелять!

Козма послушно застегнул на боках ремешки, укрыв грудь и спину стальными пластинами. Два арбалета он оттащил к своему месту на повозке, спрятав их под скамью. Рыцарь заставил каждого надеть поверх доспехов сарацинский халат и лично обмотал голову каждого чалмой на восточный манер.

– Копья оставь! – сказал Роджер, заметив, как Иоаким потянул из повозки древко. – Успеем взять, коли понадобятся. Наконечники копий, когда всадники их держат кверху, видны издали. Нам это лишнее. Теперь все запомните! Едем быстро, без остановок. Есть, пить и оправляться только на ходу! Вперед!

Ги запрыгнул в повозку, и Козма взялся за вожжи. Поменявшая свой облик ватага выбралась на дорогу и помчалась по ней спорой рысью. Солнце, стоявшее над головой, когда спутники выезжали из Иерусалима, светило теперь слева. Затем переместилось за спины спутников и стало отбрасывать длинные тени, которые бесшумно скользили впереди ватаги, словно указывая ей путь. Дорога выглядела пустынной. Несколько раз спутники встречали или нагоняли то ослика, влекущего двукольную арбу, то упряжку волов с повозкой; во всех случаях погонщики, завидев издали маленький отряд, съезжали с дороги и спешили побыстрее укрыться за камнем или в зарослях.

– Что это они? – спросил Иоаким Роджера на латыни, когда очередная арба покатила прочь от дороги.

– Война! – пожал плечами Роджер. – Если поселянин христианин, а навстречу – сарацины, то они могут забрать все, включая самого поселянина. Кому жаловаться? Власть эмира только в Иерусалиме, а здесь прав тот, кто сильнее.

– Христиане тоже могут чинить зло, если поселянин – сарацин?

– Могут, – неохотно согласился рыцарь. – Христиане могут и своего единоверца обобрать. Злые сейчас, – торопливо поправился Роджер, вспомнив, что говорит с чужестранцем. – А ты неплохо говоришь на латыни! У приезжих, если они не ромеи или не из италийских земель, это встречается редко.

– У нас тоже.

– Собирался стать священником?

– Священником стать мне действительно предлагали, – улыбнулся Иоаким, – но латынь я учил, дабы читать старые книги.

– Речь у тебя книжная, – согласился Роджер. – Лангобарды так не говорят. Удивительно, что у вас благородные читают книги. Рыцари из Франции или Германии, что приезжают сюда, часто имя свое написать не умеют.

– Но ты знаешь языки!

– Как каждый, кто много прожил в Леванте. Здесь иначе нельзя. На наших землях живут греки, армяне, сарацины... Сарацины к тому же делятся на арабов и турков. У каждого свой язык, и если ты хочешь управлять леном как должно, с каждым следует говорить понятно ему. В городах чиновник, что собирает пошину с паломников или торговцев, никогда не получит должность, если не говорит на всех языках. Он к тому же должен уметь читать и писать по-арабски: все документы у сарацин писаны этим языком. Ты знаешь, сколько приносили Иерусалимскому королевству паломники? Корабль, который бросал якорь в наших портах, сразу отдавал марку серебром. Сбор взимался с каждого паломника, вступающего на Святую Землю, – как христианина, так и сарацина.

– Сарацина?

– В Иерусалиме у них тоже святыни, – неохотно сказал Роджер. – Они считают, что их пророк Мохаммед здесь вознесся на небо, и устроили свою мечеть над камнем, где остался отпечаток его ноги. Но большинство сарацинских паломников идут через наши земли в Мекку и Медину, оплачивая пошину как на пути туда, так и на обратном. С сарацин, конечно, брали больше, чем с христиан. Платили караваны, следующие через наши земли, торговцы вносили пошину, въезжая в город, давали серебро за право торговать на нашем рынке... Это было богатое королевство, чужестранец! Рыцари с Запада приезжали сюда с пустым карманом, а возвращались с мешками, полными золота. Младшие сыновья владельцев майоратов, которые у себя дома спали на соломе, через два-три года службы в Леванте возвращались и покупали себе поместья, создавая новый майорат. Король выдавал рыцарям по шестьсот безантов в год каждому, и это тем, кто у себя дома золота в руках не держал! Накопив денег на поместья в Европе, они уезжали, бросая Святую Землю. Никакие увещания не могли остановить этих жеребят. Здесь они были обычными рыцарями, а дома становились сеньорами. Дома у них серебра не хватало, а здесь они оббивали безантами щиты по краям – дабы издали было видно их богатство. Святую Землю некому было защищать...

– А ты здесь давно?

– Тридцать лет. Когда приплыл, был таким, как Ги...

Роджер хотел еще что-то сказать, но Иоаким схватил его за руку. Рыцарь поднял взор. Дорога, по которой они сейчас ехали, круто поднималась в гору, и над верхней ее частью колыхались, четко видимые на фоне вечернего неба, наконечники копий.

– Что я говорил! – пожал плечами Роджер. – Они нас еще не видят, а мы уже заметили.

– Разобрать копьё? – деловито спросил Иоаким.

– Не надо. Это Сеиф, больше некому, – ответил рыцарь. – Наверное, устал нас ждать.

Ватага остановилась, настороженно поглядывая вперед. Копья над перевалом вздымались все выше и выше, словно росли из земли. Вот уже показались верхушки шлемов, украшенные метелками из конских хвостов, затем лица. Встречная кавалькада тоже заметила путников, и до них долетел звучный приказ. Сарацинский отряд, беря копьё наперевес, рысью припустил навстречу.

– Это не Сеиф... – процедил сквозь зубы Роджер и повернулся к спутникам: – Повозку с дороги убрать, самим встать рядом! Не задираться! Их семеро...

Козма едва успел выполнить приказ, как встречный отряд сходу взял ватагу в полукольцо, грозно ощерившись остро отточенными наконечниками копий. Роджер приложил руки к груди и поклонился.

– Салям алейкум!

– Ва алейкум ассалам!

Из середины полукольца выехал один из всадников. Он был молод, но по его надменному лицу и властной манере держаться сразу стало понятно: начальник.

– Я Селим, сотник эмира Эль-Кудса. Вы кто?

– Паломники. Путешествуем с соизволения Несравненного. Едем из Иерусалима, – смиренно ответил Роджер по-арабски и протянул сарацину бережно извлеченный из сумки фирман. Тот взял, прочел и внимательно рассмотрел печать. Приложил ее ко лбу.

– За что Несравненный оказал такую милость многобожнику? – спросил Селим, не выпуская пергамент из рук.

– Я сдал ему крепость без единого выстрела. Из воинов Саладина никого даже не ранили.

– Ты поступил мудро, – усмехнулся сарацин. – Никто в Сахеле не устоит перед мощью султана! Те, кто пытаются сопротивляться, только приближают свою смерть.

Селим повернулся к отряду и отдал короткое повеление. Воины заулыбались и подняли копья. Некоторые тут же стали привязывать их кожаными ремешками к седлу – дабы не держать в руках.

– Зачем вы оделись по-нашему? – спросил начальник отряда, все еще удерживая в руке фирман.

– Идет война, а здесь не любят франков, – ответил Роджер.

– Это правда, – кивнул Селим. – Но во время войны паломники сидят дома.

– Я возвращаюсь на родину, в землю франков. Баронства у меня больше нет, ничто не удерживает меня. На прощание решил поклониться святым местам. Разумеется, если б не фирман султана... Он хранит меня лучше самой крепкой брони.

– Еще бы!.. – вновь ухмыльнулся сарацин.

Он хотел еще что-то сказать, но его прервал женский крик.

– Спасите!.. Христиане!..

Маленькая фигурка в драной рубашке выбежала из строя всадников и упала на колени перед конем Роджера, протягивая сверху связанные руки. Рыцарь нагнулся. Это была девушка, скорее даже девчушка лет пятнадцати. Спутанные черные волосы, на смуглых грязных щеках слезы проторили дорожки. Видимо, она сидела на лошади за кем-то из всадников Селима, поэтому путешественники ее не увидели сразу.

– Спаси меня, господин! – вновь выкрикнула девчушка на лингва-франка.

– Кто это? – удивился Роджер.

– Мы заехали в одно селение, неподалеку отсюда, – ощерил зубы предводитель сарацин. – Отдохнуть, поесть. Христианское селение. Мои мамлюки давно не были дома, они соскучились по женской ласке. У твоих воинов разве так не бывало, франк?

– Бывало, – хмуро ответил Роджер.

– Воин должен быть сыт во всем, иначе он плохо сражается. Но когда мы пошли по домам, эти многобожники решили, что могут встать против воинов Аллаха. Со мной шестеро, видишь? А было девять... За каждого убитого мамлюка они заплатили вдесятеро...

– Они зарубили моих родителей и двух братьев! – снова вскричала пленница. – Спаси, господин!

Роджер увидел, что Ги выбрался из повозки и подошел ближе. Его и пленницу разделял только шаг. Оруженосец смотрел на пленницу, не отрываясь.

– Продай ее мне! – повернулся рыцарь к Селиму. – Ты ведь все равно сделаешь это в Иерусалиме. Я дам десять безантов – вдвое больше, чем ты выручишь на невольничьем рынке.

– Ты меня не понял, франк! – нахмурился Селим. Неизвестно, почему, но он перешел на лингва-франка, – может, чтобы паломнику стало понятнее. – Убили троих моих мамлюков. И одного из них – эта язычница. Кухонным ножом... Амад всего лишь хотел ее приласкать... Мы похоронили своих воинов возле селения многобожников – шариат велит сделать это до захода солнца, и поспешили домой. Мои воины хотели убить ее еще там, но я запретил...

– Ты милосерден, господин, – поклонился Роджер.

– Аллах велел нам быть милосердными, – подтвердил Селим, – поэтому я подарил христианской сучке несколько часов жизни. Солнце клонится к закату – мы не успеем в Иерусалим

до ночи. Впереди есть роща сикомор с родником – заночуем там. Сначала велю ей вымыться, чтоб не воняла, как все франки. Затем все мои воины получают от нее то, что не досталось бедному Амаду – пусть утешат его гурии в раю! Когда все насытятся, я велю прибить ее к дереву, как ромеи когда-то прибили вашего пророка Иссу. И мы посмотрим, воскреснет ли она на третий день...

Сарацины засмеялись. Белые зубы на смуглых, припорошенных пылью лицах сверкали, как клыки хищников.

– Ты справедлив, господин, – склонился рыцарь.

Ответные слова начальника сарацин прервал окрик. Роджер поднял голову. Ги все же подошел... Пленница уткнулась лицом ему в живот, а оруженосец гладил ее по пышным волосам.

Выехавший из строя сарацин взмахнул плеткой и наотмашь перетянул Ги вдоль спины.

– Собака!

Ги отскочил и схватился за меч. Сарацин выхватил саблю из ножен. И тут же выронил ее, схватившись за горло. Между пальцами торчало короткое оперение арбалетной стрелы. Щелчок тетивы донесся позже.

Селим недоуменно обернулся к Роджеру, как вдруг в следующий миг короткая стрела-болт пригвоздила пергамент к его груди.

– Бей их! – страшным голосом вскричал Роджер, выхватывая меч из ножен. – Коли, руби!

Дав шпоры коню, рыцарь подскочил к ближайшему всаднику. Тот успел закрыться щитом. Роджер ударил прямо, изо всех сил. Клинок высек сноп искр о металл, но пробил щит, и рыцарь увидел, как противник выронил саблю, лицо его побледнело. Тень слева закрыла солнце, Роджер мгновенно обернулся, пытаясь вытащить застрявший меч, но не успел. Сверкающий клинок взмыл над его головой – Роджер успел только отшатнуться. Но разрубить голову рыцаря сарацин не успел. Послышался звучный удар, нападавший выронил саблю и свалился на землю. Над крупом его коня возникло злое лицо Иоакима; он крутил над головой гирьки кистеня.

Уцелевшие в схватке сарацины развернули коней и помчались туда, откуда пришли. Отскакали шагов на пятьдесят и стали разворачиваться.

– У тебя храбрые мамлюки, Селим, – прошептал Роджер и возгласил трубно: – Ги!

Оруженосец уже пришел в себя, и рыцарь ощутил в правой руке гладкое древко копья. Оббежав коня, Ги подал ему круглый сарацинский щит. Роджер скосил взгляд: так же проворно оруженосец подал копьё и щит Иоакиму.

Трое сарацин тем временем изготовились и, выставив перед собой копья, с воем понеслись на врагов. Остро отточенные листья наконечников копий целились прямо в лица франков.

– Надеюсь, ты успел натянуть тетиву, Козма! – прошептал Роджер, когда до врагов осталось с десятков шагов. – Убери одного...

Словно отвечая его мольбе, послышался звонкий щелчок, и короткая стрела по пятку вошла в грудь коня, скакавшего посередине. Конь закричал, встал на дыбы и опрокинулся на спину, придавив хозяина. Двое других доскакали...

Копья ударили в щиты, как молот по наковальне, и сломались. Заржали кони, поднятые на дыбы силой удара, зазвенела сталь о сталь. Поднятая копытами пыль быстро рассеялась... Противник Иоакима висел вниз головой, зацепившись сапогом за стремя, кровь из разбитой головы пятнала красным дорогу, сам Иоаким держал его коня за узду, сердито поблескивая белками глаз. Роджеру удалось лишь выбить врага из седла; ошеломленный сарацин поднялся на ноги и стоял, покачиваясь, даже не достав саблю из ножен. Роджер подъехал ближе, сжимая рукоять меча.

– Пощади! – попросил сарацин, подняв бледное лицо.

– А вы щадили тех, в поселении?! – ответил рыцарь, делая выпад.

Вытерев окровавленный клинок о гриву коня, он глянул вперед. Ги стоял над сарацином, придавленным убитым конем и яростно колот его мечом. Роджер тронул бока коня шпорами. Подъехав, спешился. Ги опустил меч.

Роджер ударил его наотмашь, рукой в кольчужной перчатке. Голова оруженосца дернулась, но он устоял.

– Они вели ее в рабство и хотели убить! – вскрикнул Ги.

– После падения Иерусалима в рабство попали пятнадцать тысяч! Чем она лучше тех женщин и детей? Что с ними сделали, знаешь?! Из-за тебя могли убить всех!

Роджер замахнулся снова, но руку его перехватили. Он обернулся, бешено сверкая глазами, но Козму это не смутило.

– Не бей мальчишку!

– Его вина в этом! – сердито сказал Роджер, указывая свободной рукой на дорогу.

– Скорее, моя! – ответил Козма, не отпуская руку рыцаря. – Я выстрелил.

– Спасая его?

– У меня дома дочь – такая же, как эта девчушка. Я знаю лингва-франка, и понял, что они собирались с ней сделать. Я бы выстрелил сам...

– Мы давали обет защищать христиан в Святой Земле! – всхлипнул Ги. На щеке его багровела огромная ссадина.

«Прежде всего, ты давал обет послушания», – хотел сказать Роджер, но не успел. Звучный звук рожка раздался впереди. Все, не сговариваясь, обернулись. С вершины холма спускалась ватага всадников.

– К бою! – Роджер коршуном взлетел на коня.

– Повеселимся! – сверкая глазами, крикнул подъехавший Иоаким. – А то и размяться не успел.

Однако новые противники враждебных намерений к ватаге не выказали – копыта их так и остались торчать наконечниками кверху. Ехавший впереди всадник прищпорил коня и подскакал к Роджеру.

– Сеиф!

– Ты припозднился, господин! – ответил Сеиф, поблескивая белыми зубами.

– Ты тоже, – сказал Роджер, указывая на дорогу.

– Вы справились без нас! – хохотнул Сеиф. – Мы видели этих шакалов с вершины того холма, как и вас; я понял, что вам не разминуться. Они не знали, что встретят самого Зародьяра...

Роджер не ответил, хмуро наблюдая, как подъехавшие воины Сеифа принялись живо обдирать трупы убитых сарацин.

– Надо их похоронить! – сказал Сеиф. – Правоверные, как и мы.

– Только быстро! – велел Роджер. – Вели своим нукерам выпрячь лошадей из повозки, оседлать. Свободных коней возьмете на повод – пригодятся. Дальше поедем верхом.

– Господин!

Роджер глянул в сторону. Воин Сеифа протягивал ему залитый кровью пергамент.

– Заткни его в рот этой собаке! – прошипел рыцарь. – Кому нужен дырявый фирман?

– А это? – воин показал ему саблю предводителя сарацин в богато украшенных ножнах. – Настоящая дамасская сталь!

– Отдай ему! – указал Роджер на Козму. – Он его убил...

Сойдя с коня, рыцарь вытащил из седельной сумки секиру и подошел к повозке. Несколько раз ударил наотмашь по боковой доске, ослабляя крепление. Затем подцепил доску лезвием секиры, оторвал. Засунул руку в образовавшую дыру, вытащил тяжелую кожаную суму, перебросил ее через плечо...

Рядом кто-то всхлипнул. Рыцарь посмотрел: девчушка в драной рубашке, присев на корточки, жалась к колесу повозки. В суматохе все о ней забыли.

– Ги! – окликнул рыцарь. – Достань платье из повозки, – приказал он подбежавшему оруженосцу, – и дай ей. Оно хорошее – сам знаешь, – усмехнулся Роджер, видя, как мальчик заливается краской. – Затем усади ее на коня и оберегай, раз дал обет...

3

Ярукташ, войдя к эмиру, не поклонился, как обычно, а распростерся ничком на ковре – головой к носкам туфель Имада.

– Кто? – задохнулся Имад. – Мариам? Юсуф?

– Они здоровы, господин, хвала Аллаху! – ответил евнух, не поднимая головы. – И жена твоя, и сын.

– Кто?!

Ярукташ сунул руку за пазуху и, все так же лежа, протянул эмиру измятый шелковый пояс. Имад развернул. Богато вышитый орнамент пятнали рыже-черные пятна.

– Селим...

Имад на мгновение закрыл глаза, а когда открыл снова, они горели. Рывком подняв с ковра тяжелое тело евнуха, он впился яростным взором в жирное лицо.

– Полдня пути на север от Иерусалима, – быстро ответил евнух на немой вопрос. – Они не вернулись вчера, но все подумали: заночевали неподалеку. Они не появились и на следующий день... Я выслал полусотню. Только что прибыл гонец. Их убили на дороге – там, где она поднимается в горы. Закопали в землю, но мы нашли.

– Всех?

– С твоим братом семеро.

– У Селима было девять воинов!

– Остальных или увели, или Селим потерял их раньше.

– Кто убил?! – прошипел Имад, впиваясь руками в одежду евнуха. У самого горла. Тот захрипел:

– Если ты задушишь меня сейчас, господин, я не смогу ответить. Взываю к твоему разуму.

Имад, сделав над собой усилие, разжал руки.

– Я горюю вместе с тобой, – сипло сказал евнух, потирая пухлой ладошкой горло. – Я любил Селима, как любили его все. Он был красив, умен, отважен и недоверчив к врагам. Как и ты, господин. Он мог стать эмиром или даже атабеком. Но Аллах судил иначе... Никто не хотел идти к тебе с черной вестью, господин, – все боялись смерти от твоей руки, лишь я вызвался. Я, как и ты, хочу найти и покарать убийц. Мне кажется, я знаю, кто это сделал и где его искать. Ты можешь забрать у меня земли, которые даровал, но дай молвить.

Имад понял, что евнух прав. Острый приступ гнева прошел, оставив горечь и жажду мести. Имад оглянулся, увидел у своих ног подушку и сел, скрестив ноги. Указал евнуху перед собой. Тот осторожно примостился на краешке ковра.

– Полусотней командует Юсуф, – продолжил евнух по знаку эмира. – Он старый и опытный. Именно он нашел захоронение. Воины Юсуфа осмотрели тела: у всех раны нанесены спереди, и двое, в том числе твой брат, застрелены из арбалета. Была засада.

– Там негде спрятать засаду! – хрипло возразил Имад. – Я знаю это место. Ровное поле и чистая дорога.

– Засады бывают разные, – не согласился Ярукташ. – Можно спрятаться в зарослях или за камнями, а можно притвориться мирными путешественниками, от которых никто не ждет нападения. А когда подошедшие воины успокоятся и опустят оружие, вдруг напасть!

– На такое способен только очень смелый человек, – покачал головой эмир. – Путников должно быть меньше, чем аскеров, они не должны вызвать настороженность. Селим был недоверчив.

– Его обманули.

– Кто? – напрягся Имад. – Разбойники ушли вслед войску Несравненного, франки далеко и сидят в крепостях. Сирийцы? Персы?

– Юсуф так думал вначале. Мамлюков Селима и его самого похоронили по обычаю правоверных. У кого была чалма, развязали, расправили и завернули тело в саван. Тех, у кого чалмы не было, прикрыли халатами. Ты знаешь, господин, франки не хоронят своих врагов. Разбойники бросают тела на съедение птицам и зверям. Поэтому Юсуф думал, что это сделали правоверные.

– Однако ты уверен, что это не так? – спросил Имад. – Почему?

Ярукташ пошарил под халатом и протянул эмиру смятый пергамент. Имад развернул. Пергамент был пробит посередине и весь в бурых пятнах, как и пояс.

– Его нашли на теле Селима, – пояснил евнух. Он хотел уточнить, где именно, но, глянув на эмира, промолчал.

– Фирман Салах-ад Дина! Барону д'Оберону?.. Селима убил барон?

– Нет, господин. Мы оба помним барона. (Ярукташ неожиданно сказал это «мы», но Имад не заметил.) Молодой слизняк, который сдал крепость, стоило войску Несравненного подойти на полет стрелы. Он никогда не поднял бы руку на твоего брата – не посмел. Это сделал другой человек.

Эмир смотрел на евнуха в упор.

– Идет война, путников мало, а все дороги в окрестностях ведут в Эль-Кудс. Я велел спросить городскую стражу, и один десятник поведал, что два дня назад пропустил за ворота человека с фирманом Салах-ад-Дина. Стражник описал его. Это немолодой франк, высокий, сильный и жилистый. У него выдубленное солнцем лицо, седые виски и маленький шрам под левым глазом в виде следа птичьей лапки. Такой шрам оставляет трехгранный наконечник стрелы...

– Зародьяр?..

– Ты проникателен, господин.

– В Эль-Кудсе был Волк Пустыни, а мы не знали?

– Его никто здесь не ждал.

– Где была твоя стража?

– Охраняла ворота. Эль-Кудс сдали Несравненному менее двух лун тому. Сорок дней мы охраняли за городом франков, которых обязали заплатить выкуп. Тех, кто заплатил, по приказу султана сопровождали в их земли. Затем охраняли тех, кто не заплатил, ожидая приказа, что с ними делать... Войско ушло с Несравненным, нас осталось мало. И не только воинов. При франках в городе жило немного правоверных, но они убежали перед осадой. До сего дня воротились не все... Полгорода пустует, а новые жители не знают Зародьяра, даже не слышали о нем. Донести было некому.

– Как попал к Зародьяру фирман д'Оберона?

– Барон не отдал бы его по доброй воле...

– Зародьяр уехал один?

– Стражник сказал: было четверо. Зародьяра сопровождал рыцарь, повозку вел возница, внутри сидела женщина.

– Женщина?

– Переодетый юноша, если верить словам, которыми его описал десятник.

– Мужчины франков переодеваются женщинами?

– Правоверному этого не понять, но многобожники могут. Их священники запрещают такое, но на войне любая хитрость дозволена.

– Тебе лучше знать, армянин! Но как четверо могли убить семерых? У Селима было шесть мамлюков. Опытных, быстрых, отважных...

– У меня два ответа, господин.

- Говори!
- Либо этот Зародьяр – дьявол!
- Либо?
- Я уже говорил, что убитых похоронили по обычаю правоверных.
- Зародьяру кто-то помог?
- Ты сам сказал, господин.
- Нечестивые турки, служащие франкам за деньги?
- Зародьяру они служили всегда.
- Селима и его аскеров убили турки?

– Да, господин! Думаю, они поджидали Зародьяра за городом, и там соединились. Франки переделались правоверными, вот почему Селим подпустил их близко. Вокруг Эль-Кудса правоверных опасаться не надо. Но твой брат распознал франка и потребовал объяснений. Зародьяр дал ему фирман. Но Селим не поверил франку. Тогда турки набросились на правоверных. Аскеры Селима храбро сражались – об этом говорят их раны, но врагов было больше, и напали они врасплох. На поле нет могил турок и франков. Либо они увезли своих убитых, чему я не верю, либо они не понесли потерь. Все случилось слишком быстро...

Ярукташ замолчал. Имад некоторое время тихо сидел, уставясь в прихотливый орнамент ковра. Евнух не решался первым нарушить установившуюся тишину, эмир сделал это сам.

– Что привело Зародьяра в Иерусалим? Почему он решился на это, понимая, что здесь его могут узнать? И тогда...

- Кажется, я знаю.
- Говори!

– Когда султан осадил Эль-Кудс, в городе оказалось сто тысяч жителей. Несравненный наступал так стремительно, что почти никто не успел убежать. Войско короля франков пало на берегах Тивериадского озера, защищать город было некому, и старый барон д'Ибелин, возглавивший оборону, чуть ли не каждый день бегал к Салах-ад-Дину договариваться. В конце концов султан внял его мольбам и даровал милость неверным, разрешив им заплатить выкуп. Но пятнадцать тысяч самых бедных жителей так и не нашли денег...

– Я знаю это! – прервал Имад.

– Позволь мне закончить, господин! Франки, попавшие в рабство, проклинали монахов-тамплиеров и монахов-госпитальеров, пожалевших золота для выкупа. Все знали, что два ордена владеют огромными богатствами: как своими, так и теми, что им оставляли на хранение рыцари королевства. Эти волки-монахи так и говорили: свое золото на выкуп мы отдали, а чужое не можем. Но у Тивериадского озера остались лежать почти все рыцари франков! Вос требовать у монахов это золото некому...

- В Иерусалиме хранилась орденская казна?! – вскричал Имад. – Ты говоришь правду?
- Зачем же тогда приезжал Зародьяр?
- Почему казну не нашли мы?
- Потому что не искали. Кому могло прийти в голову, что золото здесь?
- Ты уверен, что его прятали?

– Я велел осмотреть госпиталь крестоносцев – там видели Зародьяра. Во дворе мои аскеры нашли битые камни, которые были стенными блоками, а в подвале, в углу мы обнаружили грубо заделанную нишу. Кто-то вытащил там камни, но неумело, разбив их. Времени аккуратно восстановить кладку у него не было, поэтому вместо блоков он вставил какой-то обломок – вроде тех камней, которыми евреи закрывают своих мертвых в пещерах. Наверное, с кладбища и привез. Обломок грубо замазан раствором – даже самой плохой каменщик сделал бы лучше. Но Зародьяр – рыцарь, стены класть он не умеет.

- Вы достали камень?
- Да. В нише ничего не было. Зародьяр приезжал сюда не за тем, чтобы прятать...

– Мне трудно поверить, – медленно сказал Имад. – Оставить казну в сдавшемся городе...

– Франки знали, что мы обещем сумки пленных. Просто раздать людям деньги, чтобы каждый вынес на себе понемногу, означало признать: они предали христиан в рабство из-за золота. Зародьяр прибыл в Иерусалим с повозкой. Зачем? Рыцари путешествуют верхом... В повозке сидел мальчик, переодетый женщиной. Для чего? Чтобы охрана не стала осматривать! Золото было внутри! После боя с отрядом Селима франки бросили повозку. Это легко объяснить. Повозка едет медленно, а у них появились свободные кони, на которых легко перегрузить казну...

– Ты умен, армянин! – процедил Имад. – За это я возвысил тебя. Но сейчас я не могу думать о золоте. Увез его Зародьяр или нет, мне нужны головы убийц брата!

– Юсуф идет по следу франков.

– Отставая на два дня!

– Настигнет. Зародьяру деваться некуда. Все крепости в округе в наших руках, города на побережье осажены войском султана. В Сирию или к персам он не двинется, если не хочет смерти. У госпитальеров осталась одна крепость, где они могут защищаться – Крак. До нее десять дней пути по торной дороге, но Зародьяр ею не пойдет – легко перенять. Станет пробираться горными тропами. Это долго...

– В горах легко устроить засаду.

– Юсуф будет осторожен – он знает, за кем гонится. Франков втрое или вчетверо меньше, Юсуф определил это по следам. Он догонит. Но я предусмотрел все. Готова сотня, которая пойдет кратким путем наперерез. Зародьяру не миновать Тивериадского озера, где мы его и встретим. Там лежат кости его братьев по вере, лягут и его.

– Я поведу эту сотню!

– Султану не понравится, господин! Нельзя эмиру оставлять город в такое время.

– Кто поведет?

– Я!

Эмир впился взором в лицо евнуха. Тот не отвел взгляда.

«Ты не слишком горюешь о смерти Селима, – думал Ярукташ, глядя на господина с устойчивой на лице маской преданности. – Вас было двое братьев – молодых, жаждавших богатства и власти и готовых при случае затоптать друг друга. Если ты любил своего брата, то почему держал в отдалении? Почему послал его в христианские селения собирать подать в военное время с десятком всадников? Селима убил Зародьяр, но это мог сделать другой. Тебе не нужен рядом сильный соперник, даже если это брат... Тебе, конечно, требуется голова Зародьяра – Саладин за нее одарит милостями. Но не надо мне говорить, что не думаешь о золоте. Султан смертен, а золото вечно...»

– Почему ты хочешь ехать сам? – спросил Имад.

– По моей вине Зародьяр покинул Эль-Кудс беспрепятственно, – склонил голову евнух. – Я виноват в том, что он повстречал на своем пути твоего брата и убил его. Я мог это предотвратить, но не сумел. Дай мне возможность искупить вину! Я принесу тебе голову Зародьяра и его казну!

– А если не принесешь? – ощерился Имад.

– Тогда ты сам выберешь мне наказание. Я приму его со смирением.

– Ты говоришь, как христианин.

– Разве правоверный не должен смиряться перед лицом господина?

Имад не ответил. Встал, подошел к богато украшенному инкрустацией столику, взял тяжелый пергаментный свиток.

– Поклянись на Коране!

– Клянусь! – Ярукташ поцеловал свиток и приложился к нему лбом. – Да упадет на меня кара Аллаха, если я обману своего господина! Да не будет для меня ни света, ни дня; не будет

воды, когда возжажду, не станет пищи, когда взалкаю, пусть вытекут мои глаза, сгниют и отвалятся члены, пусть побьют меня камнями или повесят на дереве. Омман.

– Ты поклялся, армянин! – сказал Имад, забирая свиток. – Теперь не медли...

* * *

Стража выскочила из-за скалы на повороте, и, нахлестывая коней, понеслась навстречу отряду. Юсуф натянул поводья. Старший из стражников подлетел к нему во весь опор и лихо становил жеребца.

– Они ночевали в селении, близко отсюда, – торопливо выпалил стражник. – Ушли на рассвете. Совсем недавно. Можно быстро догнать!

Юсуф никак не отозвался на мольбу, прозвучавшую в голосе мамлюка.

– Сколько их? – спросил неторопливо.

– Одиннадцать мужчин и одна женщина.

– Женщина? – удивился сотник.

– Молодая, лет пятнадцати. Старуха, у которой она ночевала, сказала, что девственница.

– Как старуха определила? – усмехнулся Юсуф.

– Женщина попросилась помыться, старуха сама натирала ее тряпкой в лохани. Разглядела... Еще старуха сказала, что девственница из обычных поселенок: говорит просто, руки у нее привычны к работе. Но платье дорогое.

– Кто купил ей это платье? С кем девственница возлегла ночью?

– Ни с кем – спала со старухой. Возле нее крутился какой-то молодой франк, но старуха его прогнала.

– Пусть так. Что разузнал о мужчинах?

– Четверо из одиннадцати – франки. Остальные – туркополы. Старшего из правоверных зовут Сеиф...

– Сеиф здесь! – ощерился Юсуф. – Давно не виделись... Продолжай!

– Командует всеми пожилой франк, высокий и крепкий. Под левым глазом – шрам лапкой от стрелы...

– Зародьяр... Как вооружены?

– Как на битву. У каждого кольчуга и панцирь, меч, копье. У туркополов – луки, у франков видели арбалет.

– Кто видел?

– Мальчишка возле них крутился, я поговорил с ним...

– Надеюсь, мальчик после этого выжил! – усмехнулся Юсуф. – Как и старуха... Франки отбирали еду у поселян или платили?

– Платили.

– Чем?

Стражник помялся, но нехотя достал из-за пояса монету.

– Целый безант! – причмокнул Юсуф, разглядывая желтый кружок. – Он щедр. Или золота у него много.

«Не безанты ли он прятал в повозке?», – подумал сотник. Под жалобным взглядом мамлюка он спрятал монету в кошель. Спросил строго:

– Какую еду они взяли в селении?

– Что здесь можно взять? – пожал плечами стражник. – Бедное село в горах, даже хлеба нет. Одна вяленая козлятина.

– Покажи!

Мамлюк неохотно запустил руку в седельную сумку и протянул сотнику черный ломоть сухого мяса. Юсуф взял, откусил и, пожевав, выплюнул.

– Соленая, – сказал удовлетворенно. – Откуда столько соли у бедных поселян? В горах, что ли, нашли?

Он вернул ломоть стражнику и тронул бока коня каблуками. Когда отряд выбрался на развилку, стражник указал вправо:

– Они свернули сюда, господин!

– Ну и пусть! – усмехнулся Юсуф и закрутил плеть над головой, сзывая десятников.

– Зародьяр пошел кружной дорогой, – сказал Юсуф, когда все собрались. – Так дольше, но зато дорога не просматривается из долины. Сторожится, старый волк, но не торопится: не знает, что идем по следу. Мы повернем влево и окажемся в долине раньше. Путь здесь тяжелый, камни мокрые, кони будут скользить. Поэтому тесно не ехать, растянуться, копыта подвязать. Если кто нечаянно другого подколлет, потом не жалуйтесь! Приготовьте арканы! Пригодятся. Ты поедешь со мной! – указал сотник на молодого гонца, прискакавшего в полусотню к утру. – Держись рядом!

Десятники, получив наказ, ускакали к своим мамлюкам, гортанно выкрикивая команды. Юсуф тронул бока коня каблуками и осторожно двинулся по каменистой тропе. Гонца рысил чуть позади.

Скоро все в отряде убедились в правоте старого сотника. Тропа пошла вверх, ключья низких облаков наплывали на нее, оставляя влагу на застывших камнях. Даже подкованные копыта коней ступали по ним нетвердо, неподкованные и вовсе скользили, как по льду. Сзади время от времени слышался приглушенный возглас и смачный звучный шлепок – падал чей-то конь. Юсуф не оборачивался, знал: подымут, помогут сесть в седло. Если сломал ногу или руку, перетянут. Пока сотник едет впереди, ни один мамлюк не позволит ни себе, ни другому остановиться.

«Зародьяру сейчас хорошо! – подумал Юсуф, когда позади снова раздался знакомый шлепок и ржание лошади. – У него дорога лучше, едут быстро. Но зато в долине ему будет плохо. Еще как!»

Эта мысль развеселила старого сотника, и он жестом подозвал к себе гонца. Тот послушно приблизился.

– Повтори, что сказал Ярукташ! – велел Юсуф.

– Евнух с сотней воинов перехватят Зародьяра перед Тивериадским озером. Тебе велено преследовать его по пятам, не давая роздыху, в битву с ним не ввязываться.

– Ты говорил об этом кому-нибудь из моих мамлюков? – спросил Юсуф.

– Нет, господин!

– Вот и не говори!

«Почему Ярукташ не хочет, чтоб я убил Зародьяра? – размышлял сотник, привычно покачиваясь в седле. – Воинов у меня впятеро больше, стоит только перехватить франка в долине... Евнух хочет сам преподнести эмиру голову убийцы брата? Поэтому сел в седло и взял саблю? С которой дело имел реже, чем с женскими шароварами?»

Юсуф прыснул и тут же украдкой посмотрел на гонца. Тот не заметил или сделал вид, что не заметил.

«Странно все это, – продолжил сотник свою думу. – Ярукташ привык воевать чужими руками, у него это хорошо получается. Что-то здесь не так... Зародьяр убил Селима случайно. Этот напыщенный дурак, брат эмира, скорее всего, сам нарвался: не нужна была Зародьяру, который тайно возвращался из Эль-Кудса, схватка в пути. Но зачем Волк Пустыни приходил в город? В такое время? Его многие знают, и если б опознали... Что он вез в повозке? Когда мы нашли ее, нижняя доска была выломана... Вряд ли это сделал кто-то из проезжих поселян – те укатали бы повозку целиком. Там был тайник? После схватки с Селимом Зародьяру нужно было уносить ноги, а повозка его связывала... Лошади под вьюки у него появились... Но что во

выюках? Что так нужно евнуху? Золото? Безанты?.. У франков их много: за соленую козлятину золотом не платят!»

Испуганный возглас отвлек Юсуфа от дум. Он посмотрел в сторону. Дорога шла по каменной осыпи, и конь гонца не удержался: заскользил вниз к пропасти, испуганно перебирая тонкими породистыми ногами. Камни выскакивали из-под копыт жеребца, он всхрапывал, пытаясь в прыжке преодолеть опасное место, но по всему было видно: еще немного, и оба свалятся в провал.

Юсуф сорвал аркан с седельного крюка, мгновенно раскрутив над головой, бросил. Петля захлестнула всадника, тот обрадовано ухватился за веревку. Юсуф потянул. Веревка натянулась до звона. Конь под сотником припал на задние ноги, приподняв передние, интуитивно ощутив, что надо делать.

– Бросай коня! – закричал сотник, с трудом удерживая аркан, – Бросай!..

Но гонец не подчинился. Только замахал плетью, погоняя лошадь. Юсуф выругался, но аркан не отпустил. Удержал. Гонец и его конь прекратили сползать по осыпи. Затем стали медленно выбираться к дороге. Копыта коня сбрасывали камни вниз, лошадь оскальзывалась, но сохраняла равновесие. Подскакавшие мамлюки помогли сотнику вытащить обоих на дорогу.

– Передать по цепи: ехать по одному! – приказал Юсуф. – Арканы держать наготове!

Он ударил коня сапогами под брюхо и облегченно вздохнул, когда опасное место кончилось. Знаком подозвал гонца.

– Почему не бросил коня? – спросил сурово.

– Прости, господин! – побледнел всадник. – Это мой единственный конь, все деньги отдал... Я свободный аскер, не мамлюк, коня и оружие покупал сам. Я не мог бросить...

Юсуф внимательно посмотрел на юное лицо гонца и ощутил, что гнев ушел.

– Конь для воина как брат, – сказал примирительно, – но случается так, что всадник должен пожертвовать им... Запомни! Если хочешь жить долго...

– Благодарю тебя, господин! – склонился гонец в поклоне. – Ты спас меня. Я не забуду...

– Что тебе велел Ярукташ? – перебил сотник.

– Передать его повеление и скакать обратно.

– Задержись! – приказал Юсуф. – Или не можешь?

– Как прикажешь, господин! – склонился гонец.

Юсуф довольно кивнул.

Постепенно горная тропа стала уходить вниз. Облака остались выше, и кони больше не скользили по мокрым камням. Тропинки, выбегавшие на дорогу, словно раздвинули ее: скоро всадники ехали уже по трое, затем по четверо в ряд. Вскоре и камни под копытами кончили, пошла мягкая земля. Когда полусотня выбралась в долину, Юсуф закрутил над головой плетью.

– Ждать здесь! – приказал он подскакавшим десятникам. – Ты – со мной! – указал на гонца.

Вдвоем они обогнули скалу и оказались у входа в узкое ущелье. Дно его было засыпано мелким камнем, утоптанное за века копытами и колесами повозок.

– Здесь они выйдут в долину, – довольно сказал Юсуф. – Вот тогда и нападём...

– Но Ярукташ сказал... – начал было гонец, однако тут же поперхнулся, поймав грозный взгляд сотника.

– Прости, господин!

– Ярукташу нужна голова Зародьяра, и ты ее привезешь! – примирительно сказал сотник. – Какая разница, кто его убьет? Тебя наградят.

Гонец поклонился.

– Наконец-то он в моих руках, – довольно сказал Юсуф. – Здесь его не спасут высокие стены и отважное войско. Волка Пустыни ждет западня, из которой не уйти.

– Мы нападём здесь? – восторженно спросил гонец, указывая на ущелье.

– Нет.

– Почему?

– Как ты думаешь на них напасть? – снисходительно спросил Юсуф. – Расскажи! Может, я чего не понимаю...

Но гонец не уловил насмешки в голосе сотника.

– Нас много! – начал он, блестя глазами. – Мы перегорим выход, а когда они покажутся, засыплем стрелами. Потом станем преследовать, бить их копьями в спины. Они падут все, а нам достанется богатая добыча...

– Хорошо, что ты не сотник! – вздохнул Юсуф. – Иначе все мои всадники полегли бы.

Гонец обиженно поджал губы.

– Ты просто не знаешь, кого мы ждем, – спокойно продолжил Юсуф, не обращая на это внимания. – Зародьяра недаром зовут «волком»: он прекрасно знает, что выход из ущелья – лучшее место для засады. Поэтому он пошлет вперед своих туркополов...

– Ну и что? Нас больше!

– Пока. Туркополы Зародьяра – настоящие шайтаны. Они выпускают стрелу, прежде чем лошадь успеет сделать два скачка – и без промаха. Нас много, но по ущелью нельзя проехать более чем по четыре в ряд. Они убьют лошадей первого ряда, затем второго, полностью перегорив дорогу. Пока мы будем метаться, они поднимутся на склоны, откуда будут расстреливать нас, как куропаток. Прежде, чем отряд придет в себя, мы потеряем половину всадников. Со второй половиной Зародьяр справится. Это шайтан...

– Что же делать?

– Он должен выйти в долину. После чего мы отрежем его от ущелья и возьмем в кольцо. Их кони устали, поэтому догоним быстро. Будем засыпать стрелами на скаку. Они будут стоять, а мы – двигаться, в скачущего всадника попасть трудно. Мечи и копья нам не понадобятся, как и им.

– Мы сбережем воинов?

– Половина уцелеет. Может, больше, – задумчиво сказал Юсуф и усмехнулся, заметив вытянувшееся лицо гонца. – Держись за моей спиной! Я хочу, чтобы посланец Ярукташа остался жив.

Сотник укрылся за скалой, его спутник последовал его примеру. Юсуф прикрыл глаза и замер, вслушиваясь. Было тихо. Только кони под всадниками время от времени перебирали копытами да легонько пофыркивали, недовольные тем, что им не позволяют щипать скудную зимнюю траву меж камнями. Так длилось долго. Но вот Юсуф поднял голову, вслушиваясь. Радостно улыбнулся.

– Скачи! – приказал спутнику. – Всем быть наготове. Десятников ко мне!

Гонец ускакал. Юсуф спешил и, зацепив повод за камень, приник к краю скалы. Подскакали десятники. Жестом приказав им стоять тихо, сотник замер, взглядываясь в узкий проем ущелья. Ждал он недолго. Сначала вдали послышалось цоканье копыт, затем показались три всадника в пестрых халатах. Они ехали, настороженно оглядываясь по сторонам.

– Туркополы, – прошептал Юсуф. – Где сам Волк?

Словно отвечая на его вопрос, в половине полета стрелы от передового дозора показалась кавалькада. Впереди всех, на гнедом высоком коне ехал рыцарь в доспехе и шлеме с опущенной личиной.

«Сторожишься, Волк! – усмехнулся про себя сотник. – Ожидаешь нас? Все равно...»

Он не успел додумать. Стража туркополов вдруг остановилась, глядя влево. Юсуф невольно глянул в ту же сторону.

«Копья! – вскричал мысленно. – Мамлюки подняли копья. Наконечники видны! Чтоб вас...»

– Всех сюда! – заорал Юсуф, уже не таясь. – Лучников вперед! Стрелять по коням! Пленных не брать!..

Десятники закричали, повторяя приказ, их крик эхом отдался в тесных стенах ущелья. Трое туркополов повернули назад, отчаянно нахлестывая коней. Юсуф успел увидеть, как Зародьяр что-то кричит, указывая плетью назад, а в следующий миг полусотня, вопя и выкрикивая, промчалась мимо него. Сотника обдало кислым запахом конского пота, и забыв обо всем, он вскочил в седло и помчался следом.

Стража туркополов успела доскакать к кавалькаде, ожидавшей ее, и весь небольшой отряд теперь уходил назад по ущелью, выбрасывая копытами мелкие камешки. Полусотня Юсуфа отставала от них на полет стрелы. Но кони у преследователей были свежее, и сотник с радостью заметил, что расстояние сокращается.

– Стрелять! – гаркнул он что есть сил. – По коням!

Его услышали. Передние всадники, забросив щиты за спины, стали натягивать на скаку луки. Первые стрелы упали за хвостами коней убежавших. Те, не сговариваясь, тоже забросили щиты за спину. Второй залп преследователей оказался точнее. Две выючные лошади, оттесненные в хвост кавалькады, закружились на месте, одна упала. Убегавшие не остановились.

«Бросили казну!» – обрадовался Юсуф. Оглянулся. Спасенный им гонец держался чуть позади.

– Останешься здесь! Сторожи! – приказал сотник, указывая на раненых лошадей. Гонец на мгновение нахмурился, но потом согласно кивнул.

«Что ж они не отвечают? – удивленно подумал Юсуф, скача позади полусотни. – Самое время стрелять в нас ...»

И тут он понял. Скрипнул зубами от злости, но было поздно: кавалькада Зародьяра за ближайшим поворотом исчезла и больше не показалась вдали. Когда сотник подскакал к повороту, он увидел то, чего боялся: франки и туркополы сгрудились у квадратной сторожевой башни, высящейся над долиной, а преследователи карабкаются следом по узкой крутой дороге.

«Может, успеют? – с надеждой подумал сотник. – Там на воротах цепь...»

Но тут же Юсуф увидел, как всадник с личиной на шлеме соскочил с гнедого коня с секирой в руках. Замахнулся и ударил. Лезвие секиры выбило сноп искр. Всадник замахнулся снова...

Четверо туркополов спешили и подошли к выходу дороги на площадку у башни. Не спеша натянули тетивы луков, прицелились... Четыре коня заржали от боли и покатались вниз, подмятая спинами всадников. Туркополы вновь натянули тетивы... Преследователи, поворачивая коней, шарахнулись назад. Никто даже не попытался ответить; может, потому, что все сразу поняли: из стрельбы вверх ничего путного не выйдет. Тем временем секира в руках франка сделала дело: ворота башни распахнулись, франки и туркополы стали заводить внутрь коней.

Юсуф сплюнул от злости, повернул коня и поскакал обратно. Гонец, оставленный им сторожить выюки, был в седле. Раненые лошади уже не вскидывались; они лежали неподвижно, вытянув копыта.

«Приколел копьем, – понял сотник. – Толковый воин!»

Спешившись, Юсуф стащил с мертвой лошади выюк, быстро обыскал его. Разочарованно бросил и принялся за второй. Когда выпрямился, лицо его дышало досадой.

– Мука и мясо, мука и мясо. Еще вода в бурдюках... – пробормотал сотник, подходя к своему коню. Гонец вежливо держал того за повод. – Неужели они везут казну при себе?..

Юсуф легко запрыгнул в седло и повернулся к спутнику.

– Как звать тебя?

– Фархад, господин.

– Ты хороший воин, Фархад. Буду рад видеть тебя в своей сотне. Сегодня она поредела.

Гонец зарделся и поклонился, прижав руку к сердцу.

– Однако ты – воин Ярукташа и поскачешь к нему, – продолжил Юсуф. – Скажешь, что мы заперли волка в клетке, откуда он выйдет уже без головы. Приведешь сюда евнуха. Не спеши! – остановил он подбиравшего повод Фархада. – Дорога долгая, конь твой устал... Поешь с нами. Заночуй! Есть мясо: вяленое и свежее, – сотник указал на убитых лошадей, – есть мука и вода. Если платить золотом, хлеб найдется, – усмехнулся Юсуф. – Нажарим мяса, напечем лепешек... Теперь ни нам, ни евнуху спешить некуда. Эти, – сотник указал плечью на возвышавшийся над скалой зубчатый верх сторожевой башни, – пусть смотрят на нас и пускают слюни. Я посмотрю, сколько они протянут на соленой козлятине...

Сотник тронул бока коня каблуками и, не спеша, поехал к своей расстроенной полусотне...

4

Голова Иоакима показалась в проеме винтовой лестницы. Он обвел взглядом верхнюю площадку башни, словно проверяя, все ли на месте, и довольно ухмыльнулся. Затем поднял над головой странный инструмент, похожий на округлую балалайку.

– Раздобыл развлечение! – вздохнул Козма. – Нудился с утра. То-то бренчали снизу...

Роджер, сидевший рядом с ним под зубцом, не ответил. Только с любопытством уставился на гостя.

Иоаким выбрался наверх и плюхнулся на расстеленную посреди площадки кошму. Скрестил ноги. Следом появились все семеро туркополов. Они присели на корточки под зубцами, радостно скалясь.

– Концерт! – объявил Иоаким, пристраивая инструмент на коленях. – По заявкам трудящихся.

– Не слышал заявок! – буркнул Козма.

– Они попросили, – указал Иоаким на туркополов. – Понимаешь, оказался у них во вьюках, – он поднял инструмент. – Попросил сыграть, а никто не умеет. Трофей. У тех парней, которых мы на дороге кокнули, был... Ребята и взяли...

– А музыканта забыли?

– Не придираемся! – весело парировал Иоаким. – Музыканты найдутся. Вам надобно песен? Их есть у меня...

– Вино вдохновило?

– Не один пил, не один... – замахал Иоаким. – С хорошими людьми! – он указал на туркополов.

– Они же мусульмане!

– Ха! – довольно выдохнул Иоаким. – Что мусульманам пить, коли воды нету? На закуску – сухая козлятина. Соленая!.. Чем больше закусываешь, тем больше пьешь. Что делать? Другой еды нету... Знаешь?! – заговорщицки подмигнул он Козме. – Я их не очень-то упрашивал – сами к бурдюку прикладывались. Да еще как!

Козма сплюнул. Иоаким решительно ударил по струнам.

– Льет ли теплый дождь, падает ли снег, я в подъезде против дома твоего стою, – заорал он по-русски густым басом. – Жду, что ты пройдешь, а быть может, нет... Стоит мне тебя увидеть, как я счастлив...

Туркополы захихикали, ударяя себя ладонями по коленям. Роджер смеялся, щуря глаза. Улыбалась девушка, сидевшая на мешке в отдалении; даже Ги, стоявший в страже у зубцов, оглянулся, показав ровные белые зубы.

– По ночам в тиши я пишу стихи... Кто сказал, что пишет каждый в девятнадцать лет?.. – пьяно продолжал Иоаким. – В каждой строчке только точки после буквы «эл»... Ты поймешь, конечно, все, что я сказать хотел... Сказать хотел и не сумел...

Роджер хохотал, уже не стесняясь. Туркополы повизгивали от восторга. Козма тоже не удержался – прыснул.

– Ты говорил: не понравится! – весело заметил Иоаким, закончив, хотя Козма ничего такого не говорил. – Сейчас еще урежу!

– Только не про ветку, что ветер клонит!.. – попросил Козма. – Не переживут...

Иоаким «урезал» другое. Он бренчал по струнам совершенно невпопад, закатывал глаза, выкрикивая:

– Я с тоской смотрю на бархан, вглубь песков ушел караван, злой самум заносит пески, но всегда и везде помни ты...

«Зачем я ему караоке дарил?! – вздохнул Козма. – Даже здесь не отдохнуть...»

– Я буду ждать тебя возле пальм у трех дорог, – надрывался Иоаким, – знаю я, вернешься ты, как бы ни был путь далек. Не стану верить я ни в судьбу, в грозный рок, все равно дождусь тебя возле пальм у трех дорог...

Роджер от хохота сорвался на икоту, туркополы упали на четвереньки, иступленно хлопая ладошками по каменному полу, смеялись девушка и Ги, только Иоаким сохранял сосредоточенно-лирическое выражение лица. По всему было видно, что петь ему жутко нравится. Закончив гнусавить, он встал и потянулся.

– Сплясать бы!

– Лучше пригнись! – посоветовал Козма. – Вытянулся, дылда! Получишь стрелу в башку!

– Не-а! – покрутил головой Иоаким. – Угол большой – вчера проверяли. Зубцы закрывают надежно – с умом люди строили.

Словно подтверждая его слова, высоко в небе пропела стрела и сиганула в неизвестность.

– Злобствуют! – заключил Иоаким. – Пение мое услышали. То ли еще будет! Теперь ты! – протянул он Козме инструмент.

– Что за чудо? – спросил Козма, рассматривая его. – Ладов нет, одни струны.

– Они сказали: «баглама», – кивнул Иоаким на туркополов.

– Побагламим...

Козма пощипал струны, подтянул колки, настраивая звук, затем попытался взять несколько аккордов. Инструмент ответил недовольной какофонией. Козма вздохнул и попробовал перебор. Отсмеявшаяся публика смотрела на него с жадным ожиданием.

– Требуете продолжения банкета? – весело сказал по-русски Козма. – Будет! Это был первый акт морализонского балета. Раз вам нравится караоке...

Эти глаза напротив – калейдоскоп огней.

Эти глаза напротив ярче и все теплей.

Эти глаза напротив чайного цвета.

Эти глаза напротив – что это, что это?..

Бархатистый звучный баритон выводил слова мягко и задушевно, точно попадая в тон. На площадке притихли. Только Иоаким не пожелал быть просто слушателем. Подлетел к девушке и протянул руку.

– Леди?

– Я не леди, – зарделась та. – Стелла!

– Звездочка, значит... Идем танцевать, Стелла!

– Я не умею под такую музыку.

– Уметь тут нечего!..

Иоаким бесцеремонно взял Стеллу за руку и вывел на середину площадки. Обнял ее правой рукой за талию, левую заложил за спину. Девушка приподняла подол длинного платья, и они вдвоем плавно закружились в такт сладким словам песни.

Эти глаза напротив – пусть пробегут года,

Эти глаза напротив – сразу и навсегда.

Эти глаза напротив – и больше нет разлук

Эти глаза напротив – мой молчаливый друг...

Стелла и в самом деле мгновенно освоилась: кружилась, мягко шаркая по камням кожаными подметками сапожков. Иоаким вдобавок постукивал каблуками. Туркополы притихли, время от времени цокая языками.

Роджер глянул на Ги. Тот, повернувшись спиной к зубцам, во все глаза смотрел на танцующих. Лицо оруженосца шло красными пятнами.

«Совсем ошалел мальчишка от ревности! – сердито подумал Роджер. – Еще бросится! Иоаким прихлопнет его, как муху! Подобрали себе беду...»

Но Ги сдержался. Козма кончил петь, Иоаким отвел Стеллу к ее мешку и церемонно раскланялся.

– Кто еще споет? – спросил весело.

– Можно я? – воскликнула раскрасневшаяся Стелла.

Иоаким забрал инструмент у Козмы и отнес его девушке.

– Умеешь?

– Это мой саз, – ответила Стелла. – Они его у нас забрали. Больше нечего было...

Площадка притихла. Стелла перебрала струны и, быстро работая колками, вернула инструменту лад, сбитый Козмой.

Юный рыцарь в землю Палестины за море собрался,
Его воля Господня путями благими вела,
Юный рыцарь с семьею своею навек попрощался,
Он мечтал о победах, но доля была тяжела...

Голос у Стеллы оказался странно низким, даже с легкой хрипотцой. Но это только придало очарование неизвестной балладе. Стелла вдруг резко ударила по струнам, голос ее взмыл, зазвучав яростно и страстно:

Как блестит его щит, и доспехи на солнце сияют!
Рукоятку меча твердо держит стальная рука!
Он копьем и клинком сарацинов как вихрь побивает!
И его добрый конь топчет мертвое тело врага...

Козма сглотнул, пораженный: не ждал такой силы от девочки. Не ждали, похоже, и другие. Лицо Роджера застыло, даже Иоаким угомонился, потрясенно пристроившись на своей кошме.

Юный рыцарь пред Гробом Господним приносит обеты,
В черный плащ одевает его сам магистр-отец,
Белый крест лег ему на плечо – лучше счастья нету,
Он монах-иоаннит, он защитник Господних сердец...

Стелла снова грянула припев:

Как блестит его щит, и доспехи на солнце сияют!
Рукоятку меча твердо держит стальная рука!
Он доспех сарацина ударом одним пробивает!
И его добрый конь топчет мертвое тело врага...

Две капли выбежали из уголков глаз Роджера и проторили дорожки по щекам и исчезли в бороде. Но рыцарь не заметил этого, обратившись в слух.

Годы, словно ветра, над пустыней, свистя, пролетели,
И как крест на плече стала белой его голова,
Саранчою враги на страну короля налетели,
Но пока рыцарь с нами и вера Господня жива!

Голос певицы заполнил все, проникая в каждую клеточку потрясенных слушателей.

Щит изрублен, доспехи избиты и меч зазубрился,
Но все также крепка и надежна стальная рука,
Боже, дай ему силы за Землю Святую вступиться!
Пусть Господень престол над Левантом сияет всегда!..

Стелла всхлипнула и замолчала. На площадке воцарилось молчание. Первым нарушил его Роджер.

– Кто сочинил сирвенту? – спросил хрипло.

– Я, – тихо ответила Стелла.

– Кто рассказал тебе о рыцаре?

– Отец. Он служил в крепости иоаннитов на краю пустыни. Отец очень любил своего комтура и часто вспоминал его. Много лет назад отец отличился в бою, и ему пожаловали земли недалеко от Иерусалима. Он женился, завел семью, но господина своего не забывал...

– Как звали отца?

– Вильфред. По прозвищу «Рыжий».

Роджер кивнул. Он хотел еще что-то сказать, но установившуюся после песни возвышенную атмосферу гнусно испортил хмельной Иоаким:

– Богиня!.. Ты не звездочка, а звезда! Растроган и смят!..

– Мы в восхищении! – съязвил Козма.

Иоаким, не обращая внимания на его тон, подошел к Стелле, упал на колени. Схватил руку девушки и припал к ней губами.

– Отныне я твой навеки!

Стелла зарделась, но руки не убрала. В следующее мгновение Ги вихрем подлетел к Иоакиму, рванул за плечо. Иоаким качнулся, но устоял. Ловко двинул локтем оруженосца в пах. Ги зашипел от боли, приседая.

– Щенок! – Иоаким выпрямился и смотрел на соперника, покачиваясь. – Тебя кто звал?

Ги отступил и вдруг выхватил меч.

– Стоять! – заревел Роджер, вскакивая. – Всех зарублю!

Ги опустил клинок.

– Ты где должен быть?! – заорал рыцарь на оруженосца. – Марш к зубцам!

Ги бросил меч в ножны и понуро пошел обратно.

– Ты! – яростно глянул Роджер на Иоакима. – Поди вниз! Проспись! С вечера на стражу. И не дай только Бог будешь нетвердо стоять!..

– Не понимают тут высокого, – грустно пожаловался Иоаким неизвестно кому. – А счастье было рядом... Пойдем, Сеиф! – обернулся он к туркополу. – Там в бурдюке еще осталось...

Когда вся компания исчезла в проеме винтовой лестницы, Роджер вновь опустился на кошму под зубцом.

– Все женщины! – проворчал сквозь зубы. – Глотки из-за них готовы грызть! Зачем взяли ее?.. Друг друга резать? Мало сарацин за стенами?

– Обычное дело, – возразил Козма. – Успокойся! Поцапались мужики. Это все вино. Завтра помирятся.

– Не жил ты здесь, чужеземец! – набычился Роджер. – Не знаешь, что такое женщина в Леванте. Это было мужское королевство: на одну женщину-христианку три жениха. Вдовы здесь немедленно выходили замуж снова, девочка не успевала родиться, как ее уже обручали. Мать нашего короля, Мария, была замужем четырежды, ее последний муж, барон д'Ибелин, уцелел в битве у Тивериадского озера, сразу поскакал в Иерусалим, чтобы забрать ее – так

боялся потерять. Но жители не выпустили барона с королевой, заставив возглавить оборону города... Женщин здесь не хватало всегда; рыцари встречали каждый караван паломников, выискивали незамужних и вдов, предлагая им брак. Паломниц не доставало, да и не все соглашались остаться; рыцари насильно крестили сарацинок, женились на них. Потом сарацинки резали их во сне и сбегали к своим... Из-за женщин лились потоки крови, они царствовали здесь, пока одна из них не погубила королевство.

– Я слышал от тебя это раньше. Не поверил.

– Ты пришел издалека... Это было великое королевство, им правили железные короли. Первый Балдуин, младший брат великого Готфрида, завоевавшего Иерусалим, во всем был достоин старшего. Мы пришли в чужие земли, Козма, и все восемьдесят лет сарацины пытались отсюда нас вышвырнуть. Слабый здесь не выживал, мальчики быстро становились воинами. Последний Балдуин получил корону подростком, после смерти его отца Амори. Чудный мальчик! Ему было пятнадцать, когда мы пошли в Египет. Если живешь во враждебном окружении – чтоб ты знал, чужеземец, – надо постоянно ходить в походы. Иначе враг подумает, что ты слаб, и перестанет бояться. Мы проучили тогда египтян и возвращались обратно, когда увидели под стенами Иерусалима огромное войско султана. Даже старые рыцари испугались: нас было всего пятьсот. По одному на десяток сарацин! Но юный король пал наземь перед крестом Христа, помолился и велел нам сражаться! Мы обнялись, попросили друг у друга прощения, ибо никто не надеялся уцелеть; обрезали свои волосы в подтверждение клятвы биться, пока кровь течет жилах... Как мы сражались, Козма! Господь услышал наши молитвы, поднял пыльную бурю и погнал ее на сарацин. Те бежали прочь, как сухие листья, мы потом находили и убивали их в течение пяти дней!..

Лицо рыцаря горело воодушевлением, и Козма не решился далее спрашивать. Роджер продолжил сам:

– Балдуин в юности заболел проказой, поэтому не смог жениться и оставить наследника. У него было две сестры. Старшую, Сибиллу, выдали замуж за достойного рыцаря, князя Вильгельма Монферранского, но он умер спустя три месяца. Сибилла успела забеременеть и родила мальчика. Все ожидали, что мальчик станет наследником Балдуина, но он умер... Младшую сестру, Изабеллу, выдали за Монфруа Торонтского, но у них нет детей...

Роджер угрюмо замолчал.

– А дальше? – не утерпел Козма.

– Сибилла вновь вышла замуж. К ней сватались достойные женихи, но она выбрала прощельгу Гвидо Лузиньяна. Красавчика с пустой головой. Едва женившись, он стал показывать всем, кто будет править после смерти короля. Обнаглел настолько, что Балдуин сослал его в Аскалон, но Гвидо и там не унимался. Король поехал к нему для серьезного разговора. Эта мразь велела закрыть ворота Аскалона и не впустила в город брата жены. Короля! – Роджер побагровел. – Если бы Балдуин прожил еще год! Мы разобрались бы с Гвидо... Красавчик успел нажить много врагов... Но король умер. По его завещанию на престол должен был взойти Раймунд Трипольский. Но тут Сибилла приехала в Иерусалим якобы на похороны своего маленького сына. Иначе ее не пустили бы. Никто не догадывался, что это заговор... Ей вручили корону в храме Вознесения, а она тут же возложила ее на кудри своего Гвидо...

– Вы подчинились прощельге?

– Патриарх Иерусалима, получивший свой посох благодаря женщинам, велел принести оммаж Гвидо... Он держал всю церковь в Леванте железной хваткой... Патриарху помогал великий магистр тамплиеров Жирар, подлая гадюка, предавшая своих убитых под Тивериадой братьев. Заговорщики заперлись в храме, чтобы мы не помешали коронации. Были и другие сторонники Гвидо, рассчитывавшие получить от новой власти бенефиции. Рыцари безанта...

– Кто, кто?

– Так зовут тех, кто получает доход не от земель, которыми управляет, а от близости к власти. Землей, если она далеко от христианских городов, владеть тяжело. Сарацины постоянно нападают, надо биться и биться... Куда приятнее получить от короля в управление рынок или таможду и заняться сбором пошлыны. Опасности никакой, золота много, жить в городе приятнее... Рыцари обленились и забыли, что рядом Саладин, который приобрел силу, какой не было ни у одного султана.

– Он напал первым?

– Саладин не хотел воевать. Он только-только объединил турок с арабами под своим желтым знаменем – это стоило большой крови. Земель у него с избытком, надлежало утвердить свою власть. Саладин заключил с Балдуином перемирие на несколько лет, потом его продлили. Но дружкам Гвидо – тем, кто привел его к власти, было мало золота. Они стали грабить сарацинские караваны еще при Балдуине, пользуясь тем, что король болен и слаб. Особенно зверствовал Рено Шатийон. Двадцать лет тому он едва не погубил Антиохию, после чего шестнадцать лет просидел в темнице у сарацин. Но ума не набрался. Его выкупили и дали во владение крепость Керак, мимо которой идут караванные пути. Пустили волка к овцам... Рено было плевать на все, кроме золота, даже на короля! После того, как Балдуин лишил Гвидо Лузиньяна права регентства над своим маленьким племянником, красавчик тоже стал грабить... Но пока король жил, Саладин закрывал глаза на это. Балдуин умер, и все изменилось. Что прощалось великому воину, не простили прощельге и его дружкам. Эти сволочи буквально заставили Саладина объявить нам джихад...

– Ты был под Тивериадой? – тихо спросил Козма.

– Там были все, – сморщился Роджер. – Саладин собрал несметное войско; под этой угрозой объединились даже смертельные враги: Гвидо и Раймунд Трипольский, у которого красавчик украл трон. Но командовал Гвидо... Собрали всех – в крепостях и замках не осталось гарнизонов! Раймунд, у которого сарацины захватили владения в Тивериаде и у которого поэтому было больше причин требовать нападения, чем у кого бы то ни было, советовал стоять лагерем и отбиваться. Сарацины побоялись бы на нас напасть. Но Гвидо хотелось красивой победы, дабы все поверили, что он настоящий король... Мы пошли на Саладина. Июль, солнце, жара, раскаленные доспехи и отсутствие воды... Сарацины расстреливали нас издали, а когда нам удалось пробиться к их войску, встали насмерть. Мы научили их воевать, чужеземец! Ранее их легкая конница разлеталась под нашими ударами, как пух. Теперь у них есть тяжеловооруженные всадники. Под Тивериадой они устояли... Мы не смогли пробиться к воде. Дальше... Мало кому удалось уйти. Большинству достались либо плен, либо смерть. Ты только что слушал сирвенту про монаха-иоаннита... Так знай: всех попавших в плен рыцарей-монахов Саладин приказал убить. Всех! Уцелел только гадюка Жирар, великий магистр тамплиеров. Он купил жизнь предательством, подобно Иуде. Ходил потом с сарацинами к крепостям тамплиеров, приказывая открыть ворота. И ему открывали...

Роджер замолчал. Козма не решился больше спрашивать. Стелла сидела под стеной, как мышка; было видно, что она слышала все. Тишину нарушил гортанный голос вдали. Кто-то за стеной кричал. Под верхней площадкой, на втором этаже башни отозвались. За стеной вновь закричали, из башни ответили. Роджер прислушался.

– Что это они? – не сдержался Козма.

– Юсуф, сотник эмира Иерусалима, предлагает туркополам сдаться, обещает им жизнь. Говорит, что ему нужны только многобожники, то есть мы. Нам, понятное дело, он жизнь не обещает, – усмехнулся Роджер. – Если к тому же Сеиф пленит нас и передаст Юсуфу, эмир возьмет его к себе в войско. И не мамлюком, а свободным сотником.

– Что отвечает Сеиф?

– Напоминает Юсуфу, от какого отца тот родился, – ухмыльнулся рыцарь. – Можешь мне поверить, тот не был султаном.

– Что ответил Юсуф?

– Вспоминает отца Сеифа... Они давние знакомые: не раз встречались в битвах. Сеиф оставил сотнику несколько шрамов на память, тот, злобствуя, напал как-то на родное селение Сеифа, сжег и разграбил его. Тогда Сеиф напал на родное селение Юсуфа... Более заклятых врагов в Леванте трудно сыскать.

Перепалка внизу стала стихать. Первым умолк Юсуф. Сеиф, выкрикнув несколько слов, тоже угомонился.

– Ты уверен в своих туркополах? – спросил Козма. – Сеиф враждует с Юсуфом, но его воины – нет. Вдруг польстятся...

– Сразу видно, что ты чужеземец. Если сарацин принес клятву на Коране своему сюзеру – не важно, мусульманин тот или христианин, – он будет верен. Христианин может стать клятвopеступником, сарацин – никогда. Есть только два случая, когда он будет считать себя свободным от обета. Первый: смерть хозяина. Второй: если воин попадет в плен, а хозяин не выкупит его в течение года. С этими людьми, чужеземец, я сражаюсь бок о бок уже много лет. Поверь, у них было много возможностей уйти к единоверцам...

– Зачем же Юсуф склонял их к измене?

– Торопится. Не знаю... Может, скучно ждать. Все равно мы здесь в мышеловке.

– Ты уверен, господин?

– Эту башню строили для охраны путей. Место выбрали хорошо. Когда дежурная стража видела врага, она зажигала огонь на площадке, чтобы видели соседи. Дрова сохранились, этой ночью мы грелись у костра. С наскоку башню взять нельзя: с трех сторон – пропасть, к входу ведет единственный путь. На площадке перед башней трудно установить осадные орудия, да и незачем. Пока осаждающие будут стараться, подойдет помощь. Нам ее не от кого ждать...

– Самим не пробиться?

– Выход только к дороге, да и тот воины Юсуфа перегородили каменной стеной. Они хорошо поработали прошлой ночью... Наши стрелы не достанут стражу, а всадники из башни не смогут прорваться к ущелью. У нас нет воды, а из еды только соленая козлятина. Завтра мы станем изнывать от жажды, а через два дня никто не в силах будет держать меч. Юсуф все рассчитал.

– Поэтому ты разрешаешь всем веселиться? В последний час?

Роджер замолчал. Затем сказал неохотно:

– Ты умен, чужеземец.

– Зови меня Козмой.

– Пусть так. На рассвете, когда сон врага тяжел, мы пойдем на прорыв.

– Без коней?

– Им не преодолеть стену. Коней захватим у врагов.

– Нас остановят у подножия!

– Враг будет спать...

– Не уверен! – жестко сказал Козма. – Мне кажется, что они будут ждать. Уложат всех на подходе. Даже если нам удастся напасть врасплох и перелезть стену, проснутся другие – те, что внизу. Мы не дойдем до ущелья!

– Ты можешь предложить иное? – сощурился Роджер.

– Если позволишь. Ты рассказывал про свое королевство, я тоже хочу вспомнить. Больше тысячи лет назад в Риме, который вы называете Румом, из-под стражи вырвались пленники. Их было немного, у них было мало оружия. Они поднялись по узкой горной тропе на вершину горы Везувий и там разбили лагерь. Рум послал войско. Воины знали, что имеют дело со слабо вооруженными рабами, поэтому перегородили им единственный путь надежной стеной. Ждали, когда у беглецов кончится вода и пища, и те сдадутся сами. Но пленники их перехитрили: сплели из лозы длинные лестницы, спустились по неприступной горной стене, где не

было стражи, и ночью напали на римлян. Врасплох. Римляне, уверенные в своей безопасности, спали спокойно; их перерезали, как овец.

– Я видел, как ты ходил сегодня вдоль зубцов и смотрел вниз, – задумчиво сказал Роджер. – Но у нас нет лозы!

– Есть арканы туркополов.

– Пропасть слишком глубока. Арканов не хватит.

– Есть сбруя двенадцати коней. Прочные кожаные ремни.

– Пусть нам удастся спуститься. Но я уверен, что выход в долину закрыт стражей Юсуфа. Даже если нам удастся пройти незамеченными или убить стражу... Коней на арканах не спустишь, а пешком далеко не уйти. Утром Юсуф обнаружит, что башня опустела, и пустится в погоню.

– Если будет, кому догонять!

Роджер посмотрел на Козму с интересом.

– Ты предлагаешь поступить, как те пленники?

– Именно.

– Не получится. Ночью светит луна. На моих воинах светлые одежды, да и лица белые. Нас заметят издалека.

Козма подошел к черному пятну погасшего кострища, сунул в него обе руки. Обернувшись к Роджеру, мгновенно зачернил перепачканными ладонями лицо. Затем провел ими по рукавам рубахи, оставляя черные полосы.

– Сеиф! – вскричал Роджер. – Бросай пить! Немедленно сюда!..

* * *

Сеиф ловко привязал к веревке камень и стал медленно спускать его вниз. Все, кто был в этот момент на верхней площадке, молча смотрели, как он аккуратно перебирает узлы. Свернутая в кольца веревка быстро уходила вниз; когда осталось последнее кольцо, ослабла. Сеиф, просунувшись между зубцами, приподнял веревку и покачал подвешенным снизу грузом взад-вперед и справа налево. Затем повернулся, показав в улыбке белые зубы.

– Давай! – приказал Роджер.

Сеиф быстро захлестнул свободный конец веревки на каменный зуб башни, стянул узлом. Роджер спросил о чем-то. Туркополы, стоявшие наготове, молча повернулись к нему спинами – за поясом каждого был широкий нож. Затем они повернулись обратно и словно один вытащили из складок халатов и показали длинные шила.

– Зачем им шила? – не удержался Козма.

– Упряжь чинить! – хмыкнул Роджер. – Всаднику без него нельзя.

– Почему сабли и луки оставили?

– Они поползут по камням. Куда саблю девать?

Роджер взял одну из сваленных в кучу на площадке сабель, провел ей по полу. Все услышали отчетливый металлический звук ножен.

– Понятно?

– А если привязать за спину?

– Покажи!

Роджер подошел и приложил саблю в ножнах к спине Козмы.

– Достань клинок!

Козма попробовал вытащить, но клинок, зацепившись последней своей третью, не поддался. Туркополы заулыбались. Зубы их ослепительно блестели на вымазанных углями лицах.

– Я видел, как ассасины носят клинки за спиной, – спокойно сказал Роджер. – Но те короткие – для броска. Не волнуйся! Если Сеиф доберется к лагерю Юсуфа без шума, сабли у них будут. Если не получится, сабли не спасут.

Роджер сделал знак. Высокий, грузный воин вышел из рядов туркополов и взялся за веревку. Дернул ее, проверяя прочность узла, затем с трудом протиснулся между зубцами. Заскользил вниз, перебирая руками, и скоро скрылся в темноте.

– Почему он первый? – опять не удержался Козма.

– Потому что самый тяжелый, – пожал плечами Роджер. – Если веревка выдержит его, выдержит и остальных.

– А если порвется?

– Иншалла! – ответил вместо рыцаря Сеиф.

– На все воля Аллаха, – перевел Роджер.

Когда веревка перестала раскачиваться, все затихли у зубцов, прислушиваясь. Прошла минута, другая, третья... Из черной глубины пропасти послышалось уханье совы. Лицо Роджера, стянутое напряжением, разгладилось.

– Пошли! – махнул он рукой.

Туркополы один за другим протискивались между зубцами и исчезали в темноте. Последним скользнул вниз Сеиф. Когда веревка, по которой он спускался, ослабла, Роджер дернул ее несколько раз, а затем втащил вверх, старательно сматывая кольца. Жестом показал оставшимся в башне собраться вокруг него.

– Если Сеифу удастся задуманное, он подаст знак. Тогда мы спустимся, подкроемся к стене из камней, что они насыпали, и нападём на стражу.

– Почему не Сеиф? – хрипло спросил Иоаким. Его знобило с похмелья.

– Луна! – указал Роджер на небо. – Подъем к башне из ущелья – как на ладони, охрана увидит туркополов и расстреляет. Как мы их, два дня тому. У Сеифа – другие дела. Надо перебить стражу, которую Юсуф поставил у входа в ущелье, заняться коноводами, которые увели лошадей в долину. Стража у башни – наша забота. Их там немного: три-четыре воина. Самое большее – пять...

– Что будет, если у Сеифа не получится? – спросил вдруг Козма.

– Иншалла! – пожал плечами Роджер.

– Я пойду с вами!

Все оглянулись. Стелла решительно смотрела на них.

– Жаль пачкать такое платье углем! – усмехнулся Роджер.

– Я сниму его! – Стелла смутилась. – У меня есть рубашка! Отец учил меня стрелять из лука и арбалета.

– Чтоб пробить стрелой кольчугу, не говоря о доспехе, надо сильно натянуть тетиву, – холодно сказал Роджер. – Не думаю, что у тебя получится.

– Если стрелять в упор – хватит! Надо – буду зубами их грызть! Они убили мою семью!

– Ты действительно дочка Вильфреда Рыжего, – задумчиво сказал Роджер. – Но ты принесешь больше пользы здесь. Мы выйдем из башни и тихо подкроемся к стенке. Когда доберемся – шуми, и как можно громче! Пой, кричи, делай, что хочешь, но стража должна смотреть вверх! Понятно?

Стелла кивнула.

Четверо воинов молча стали мазать углем лица, руки и одежду. Когда все светлое на их телах было вычернено, разом подошли к краю башни и стали напряженно вглядываться. Внизу было спокойно. Над каменной стенкой, преграждавшей путь к дороге в ущелье, то и дело появлялись лица стражников, почти сразу же исчезающие – воины опасались меткой стрелы защитников. За стенкой, в проеме дороги виднелись костры, возле которых время от времени мелькали тени.

– Дозорные... – тихо процедил сквозь зубы Роджер. – Юсуф – старый волк. Трудно будет Сеифу... Их там десятка четыре...

Никто не отозвался; все молча стояли, напряженно вглядываясь. Ничто не менялось внизу: всплывавшие над стеной белые лица стражников, редкие тени у костров.

Было холодно. Не сразу, но Козма почувствовал, как стынет тело, и вскоре поймал себя на том, что зубы бьют дробь.

– Вина, что ли, выпить! – сказал вслух.

– Кончилось! – отозвался Иоаким. – Давно.

– Алкоголики! – вполголоса выругался Козма.

– Скоро согреемся! – пообещал Роджер. – Костра все равно не зажечь – дров нет. Терпите!

Пришлось. Все переминались с ноги на ногу, растирая черные от углей руки. Иоаким, не утерпев, пустился в пляс, выбивая по каменному полу площадки чечетку. Ги попытался вторить, но у него получилось неуклюже. Стелла прыснула, но тут же прикрыла рот рукой. Козма и Роджер не отходили от зубцов. Внезапно Козме показалось, что тени в ущелье стали мелькать чаще. Он напрягся, всматриваясь; тут же услышал, как рядом учащенно задышал Роджер. Мелькание внизу продолжилось. По-прежнему ни звука не доносилось к башне снизу. Так длилось, как показалось Козме, целую вечность. Внезапно в ущелье огненная точка взмыла вверх: кто-то махал крест-накрест горящей головней.

– Пора! – сказал Роджер.

Они молча спустились по каменной лестнице. Кони, лишённые сбруи и потому непривязанные, мешали им пройти к воротам башни. Наконец, брус, наглухо запиравший створки из толстых тесаных досок, был снят. Роджер вдруг присел и снял сапоги.

– Каблуки будут стучать! – пояснил.

Все молча последовали его примеру. Роджер осторожно отодвинул одну из створок, выглянул. Затем скользнул наружу. Следом последовал Иоаким, за ним – Козма и Ги.

Ватага на цыпочках пробиралась краем площадки, сжимая оружие. Роджер велел всем оставить в башне шлемы и доспехи: первые могли ненароком скатиться головы и загреметь, вторые – лязгнуть о кольчуги. Ножны тоже не взяли: держали мечи в руках острием вперед и опустив книзу – чтоб не блестели в лунном свете. Только Козма нес взведенный арбалет. Второй, тоже заранее взведенный, был за спиной.

Бог, а может, черт ворожил им: до стенки из камней удалось добраться незамеченными. У подножия преграды все присели на корточки. Роджер требовательно протянул к Козме руку. Тот, мгновенно сообразив, отдал свой арбалет, протянув следом и стрелу. Затем достал из-за спины второй самострел. Все притихли. С другой стороны завала из камней не спали: слышен был тихий говор, звякало оружие, поскрипывали ремни. Внезапно Роджер увидел, как приоткрылась створка ворот в башню, из нее показалась голова лошади.

«Сейчас кони выбегут на площадку, – мгновенно понял он. – Застоялись! Стража услышит цокот подков, глянет вниз... Что же ты молчишь, женщина! – сердито подумал Роджер. – Пора!...»

Стелла словно услышала его.

– Эгей! – крикнули звонко сверху. – Сарацины! Давно не видели женщины?

Нападавшие невольно подняли головы. Лунный свет заливал все вокруг, ясно вырисовывая на фоне мерцающих звезд точеную фигурку обнаженной женщины. Стелла отважно стояла на вершине зубца и размахивала над головой рубашкой. Даже от подножия башни хорошо были видны ее маленькая грудь, задорно торчащая вперед, черный треугольник лобка и плавная линия бедер.

– Смотрите, свиньи немытые! – вновь закричала Стелла. – В последний раз! Помните, когда вам глотки будут резать...

«Ее же сейчас стрелю!» – понял Роджер и тронул за плечо Козму. Тот встрепенулся и приложился щекой к ложу арбалета. Целиться было нетрудно: над каменной стенкой белели изумленные лица мамлюков Юсуфа.

Две тетивы шелкнули почти одновременно. За стенкой глухо вскрикнули. В следующий миг Роджер, отбросив арбалет, рванул вверх по камням. Иоаким устремился следом. Ги задержался, не в силах оторвать взгляда от фигурки на зубце, и третьим побежал Козма. Размахивая разряженным и потому абсолютно бесполезным арбалетом.

Спрыгнув по ту сторону стенки, Козма мгновенно понял, что Роджер ошибся в числе стражников. Двое, убитые из арбалетов, лежали недвижимо, еще один корчился рядом, задевший кем-то из нападавших, но оставалось еще четверо! Они успели прийти в себя. Двое, подхватив щиты, прижали Роджера и Иоакима к скале и сейчас, хекая, рубили их саблями – так, что только искры летели от сталкивавшихся в воздухе клинков. Вторая пара сарацин натягивала луки, готовая выстрелить из-за спины товарищей, как только те откроют врага.

Козма, не раздумывая, размахнулся и ударил арбалетом ближайшего к нему стрелка. Конец стального лука с хрустом вонзился сарацину в ухо; тот заорал и повалился на камни. Второй среагировал мгновенно: повернулся к Козме и спустил тетиву.

Козма успел присесть. Стрела тоненько вжикнула над его головой, а за спиной жалобно вскрикнули. «Ги! – понял Козма. – Поймал мою стрелу!» Тут же, что было сил, ударил арбалетом, как копьём. Стальное стремя на конце оружия садануло сарацина в живот. Тот зашипел от боли и бросил лук. Выхватил саблю.

В следующий миг Козма отчетливо понял, что бить надо не так. Сарацин нападал на него зло, мастерски рубя длинным клинком. Козма прикрывался арбалетом. Клинок, сталкиваясь со стальной дугой лука, высекал из нее искры. Удары больно отдавались в кистях Козмы. Тяжелый арбалет на вытянутых вперед руках тянул вниз, и Козма с ужасающей ясностью осознал, что долго он так не выдержит...

Роджеру и Иоакиму тоже приходилось несладко. Враги им попались умелые. При равном вооружении рыцарь и его напарник с сарацинами справились бы. Но без щитов, шлемов, доспехов и даже ножен, которыми можно в случае чего отбивать удар, франкам приходилось туго. Сарацины ловко пользовались своим преимуществом: без труда отбивая удары врагов щитами, сами рубили наотмашь, сотрясая кисти христиан, выкручивая и выламывая суставы тяжелыми ударами по клинкам. Роджеру разрубили кольчугу на левом плече, и рыцарь сначала не почувствовал боли, но сейчас ощущал мокрое и горячее под рубашкой. Иоакиму никак не удавалось вытащить кистень – он был заткнут за пояс сзади; а фехтовать приходилось, сжимая рукоять меча обеими руками.

Козма устал первым. Благоразумно решив, что жизнь дороже чести, он швырнул в сарацина арбалет и пустился бежать. Но почти тут же врезался большим пальцем ступни в камень, упал, вскрикнув от боли. Перевернувшись, хотел вскочить, но не успел. Холодно сверкнувшая полоса металла взмыла над его головой. Козма зажмурился...

Металл звонко ударился о камень. Козма открыл глаза. Сарацин, выронив саблю, стоял над ним, покачиваясь. Трехгранный наконечник стрелы торчал у него из горла; стрела вошла в затылок и пробила шею навывлет. Ноги сарацина подогнулись, он упал рядом с Козмой на бок. Захрипел.

Козма вскочил и подобрал саблю. Глянул вперед. На самом верху каменной стенки стояла Стелла, в одной рубашке, и целилась из лука в спину врага Роджера. Хлопнула тетива, наконечник стрелы высек сноп искр о сарацинскую кольчугу, но все же пробил ее. Сарацин недоуменно отпрянул, оглядываясь, на мгновение забыв о противнике. Роджер прыгнул и страшным прямым ударом пробил доспех на груди врага. Тот мешком повалился на камни.

Противник Иоакима, оставшись в одиночестве, стал отступать, уже не думая о нападениях. Иоаким воспользовался этим и достал, наконец, свой кистень. Раскрутив его над головой,

ударил поверх круглого щита. Сарацин вскрикнул и выронил щит. Вторым ударом Иоаким прикончил его.

Стелла спустилась вниз, подбежала к сарацину, что все еще корчился под стенкой, и, пустив стрелу в упор, буквально пришила его к дороге. Затем проделала то же с противником Козмы: тот все еще хрипел и корчился. Получив стрелу в грудь, сарацин затих. Покончив с последним раненым, Стелла оглянулась. Глаза ее сияли бешеным огнем, зубы были оскалены.

– Где Ги? – спросил Роджер.

– Там! – указала Стелла на стенку. – Стрела пробила ему руку!

– Но вторая-то целая! – сердито сказал Роджер.

– Я займусь им, – сказал Козма.

– Потом! – махнул рукой рыцарь. – Потерпит!

Он зашагал вниз, шлепая по камням босыми ногами. Ватага потянулась следом. Они быстро преодолели путь к ущелью и остановились, пораженные. Светила луна, заливая все вокруг зыбким светом, мирно догорали костры, вокруг которых лежали люди. Как будто спали. Развалившись на кошмах или свернувшись калачиком, подложив под голову седло или прикрыв ее полой халата. Но никто из сарацин не двинулся, не шевелился, как то бывает с пусть спящими, но живыми.

Козма, не утерпев, подбежал к ближнему костру. Сарацины лежали вокруг него со спокойными лицами. Козма присел и дотронулся до одного. Отдернул руку – кожа оказалась холодной.

– Сеиф и его воины знают дело! – хрипло сказал за его спиной Роджер.

– На них нет крови! – изумленно сказал Козма, вставая.

– Если сонного резать ножом, обязательно вскрикнет, – хмуро пояснил рыцарь. – Ткнуть шилом в ухо – даже не проснется! Сеиф и его дьяволы раньше служили у ассасинов – научились...

– Не по мне это – сонных колоть! – сердито сказал Иоаким, поднимаясь от тела убитого сотника, которое он по примеру Козмы внимательно осмотрел. – Я привык в бою...

Роджер смерил его тяжелым взглядом.

– Там, наверно, мы с двоими не могли справиться! Здесь четыре десятка! Ты видел хоть раз, как мамлюки режут голову живому человеку, чужестранец? Вот эти, что лежат вокруг! Дети Сатаны! Им нужно не просто убить человека, а смотреть, как он мучается. Сначала страдальцу ножом перерезают глотку, человек начинает захлебываться собственной кровью, ему больно, но он не кричит – не может. Потом жертве начинают пилить позвонок... Мамлюки громко смеются и хлопают в ладоши, видя, как мученик сучит ногами и руками – им радостно. В чем ты можешь упрекнуть моих воинов? Сарацины умерли во сне, без страданий...

– Я б сама их резала! – бешено выкрикнула Стелла. Подбежав к мертвому сарацину, она яростно пнула его сапожком. – Пададь!

– Кровь Вильфреда... – усмехнулся Роджер, но не закончил. В отдалении послышался цокот копыт.

Подскочив к костру, Роджер схватил копьё. Иоаким последовал его примеру. Козма, бросив саблю, подобрал арбалет. Стелла наложила стрелу на тетиву лука. Цокот доносился все ближе, и скоро из-за скалы показались морды коней. Роджер всмотрелся и опустил копьё.

– Готово, господин! – ощерился Сеиф, спрыгивая коня. – Мы перестреляли стражу. Они не успели понять...

Роджер молча обнял его.

– Все кони – ваши! – крикнул он подъехавшим воинам. – Все, что здесь лежит – ваше! Вся добыча...

Туркополы оживленно загомонили, спрыгивая с коней. Роджер повернулся и пошел к башне.

– У тебя кровь, рыцарь! – сказал Козма, поравнявшись. – Дай гляну!

Роджер отмахнулся. Перед стенкой, где лежали тела убитых сарацин, он вдруг остановился и резким движением воткнул меч меж камней – рукоятью кверху. Опустился на колени, осеня себя крестом. Зашептал молитву.

Стелла встала на колени позади Роджера; следом, после некоторого колебания, присоединились Козма и Иоаким.

– Патер ностер! – возгласил рыцарь.

– Патер ностер! – нестройно повторила ватага.

– Ты явил чудо, поразив всех наших врагов и сохранив нас, – продолжил Роджер. – Великая милость для грешных рабов Божьих! Веди же и впредь нас путями своими...

5

Козма догнал Роджера и поскакал рядом – нога к ноге. Рыцарь хмуρο глянул на незваного соседа.

– Ги совсем плох! – сказал Козма.

Роджер не ответил.

– Стрела раздробила ему локоть. Когда я вытаскивал наконечник, кончик обломался и остался в кости, – продолжил Козма.

– Сарацины так делают нарочно: или надсекают наконечники, или куют их из хрупкого железа, – сердито пояснил Роджер. – Застрянет в кости или меж ребер, а добрый христианин – мучайся! Адово семя!..

– Кость воспалилась, рука почернела, у Ги лихорадка, – сказал Козма. – Он постоянно впадает в беспамятство.

– Хочешь, сказать, что Ги умирает?

– Ему надо помочь.

– Как? Я приказал сделать конные носилки, дать ему вина с травами, чтобы унять боль.

Что еще?

– Надо остановиться.

– Нельзя подвергать опасности всех из-за того, что одному плохо.

– Ги нужно лечить. Я отрежу ему больную руку. Иначе он умрет.

Роджер пристально посмотрел на Козму. Тот понял.

– Я уже делал это, рыцарь!

– Ты уверен, что Ги выживет?

– Совершенно не уверен! Но если не сделать, умрет непременно.

– К вечеру мы будем в христианском селении, там есть храм и кладбище при нем. Если Ги будет жив, его исповедуют, причастят. Если умрет, отпустят грехи посмертно. Он воин, павший в битве за веру, душа его будет в раю. Я дам денег на траурную мессу.

– Христианин должен помогать ближнему жить, а не умирать.

Ноздри рыцаря затрепетали.

– Кто ты такой, чтоб упрекать меня?!

– Жаль Ги! – вздохнул Козма. – Хороший мальчик.

– Под Тивериадой погибли сотни мальчиков! – сердито сказал Роджер. – На битву шли все, кто старше шестнадцати. Никто не дал им последнего утешения, по ним не служили мессу, их тела даже не предали земле – кости павших растащили хищные птицы и звери. Чем Ги лучше?

– Черт заведи тебя, барон! – вскричал Козма. – Все это печально, но я не видел тех мальчиков! Ги умирает у меня на глазах, а ты не позволяешь его спасти!

Лицо Роджера вспыхнуло, но он сдержался.

– Прошлой ночью ты убил лучника, который целился в меня, – сказал он сквозь зубы. – Поэтому я прощаю тебе дерзость. В этот раз. Ты чужеземец, и многого не знаешь. Ги – знатного рода, но он младший сын владельца майората, в родной земле у него нет будущего. Он приехал в Левант, чтобы стать рыцарем и защитником веры. Как сотни других. Его семья будет скорбеть, если мальчик умрет, но они будут гордиться тем, что Ги пал за веру. Если ты отрежешь руку, и Ги выживет... Что делать в Леванте воину без руки? Семье Ги калека тоже не нужен. Куда ему идти? Просить милостыню у храмов?

– Я расскажу тебе одну историю, – спокойно ответил Козма. – Испанский рыцарь по имени Мигель де Сервантес в битве с сарацинами был ранен в левую руку. Рана зажила, но рука повисла плетью, рыцарь не мог ею пользоваться. Но он продолжал сражаться. Попал в плен,

его выкупили... Сервантеса по возвращении в Испанию не взяли в войско: хватало молодых и здоровых. Тогда он стал писать книги и сочинил историю про рыцаря по имени Дон Кихот. Книгу стала читать вся Европа. Имя Сервантеса прославилось в веках! К старости он стал монахом. Представь, что кто-то решил, будто Мигелю не следует жить...

– Я не знаю такой книги.

– Она сюда еще не пришла.

– Испанцев мало в Леванте, – задумчиво сказал Роджер. – Они бьются с сарацинами в своей земле. Но рыцари храбрые, приходилось видеть в сражениях...

– Мужчина без руки может быть писцом, управителем, священником. Он может стать отцом и дать миру сыновей – будущих рыцарей. Он может принять постриг и быть монахом, который постигнет суть веры так, как не дано нам, суетным...

– В часе езды отсюда есть разрушенная крепость, – сказал Роджер. – Коням и людям нужен отдых, обед. Но как только все отдохнут, мы тронемся. Если успеешь...

Козма поклонился и отстал. Поравнялся с носилками, укрепленными между двумя конями: один конец – на крупе передней лошади, второй – на шее следующей. Ги, привязанный к носилкам ремнями, был без сознания. Козма потрогал его лоб, покачал головой. Достал из седельной сумки баклагу, смочил из нее тряпицу и обтер юноше лицо. Затем сунул влажную тряпицу под полукафтан раненого – на грудь.

– Совсем плохой, да?

Козма повернул голову. Сеиф, догнав его, ехал рядом. Козма кивнул, безмолвно отвечая на вопрос.

– Скоро умрет? – спросил туркопол.

– Будем лечить! – сердито ответил Козма.

Сеиф кивнул, словно соглашаясь с тем, что делать это нужно, но по его лицу было видно, что в успех лечения туркопол не верит.

– Я видел: ты утром точил саблю, – сказал Козма. – Маленьким тонким камнем. Он есть у тебя?

– Ты будешь точить меч? – заулыбался Сеиф. – Ты не доставал его из ножен с тех пор, как тебе его дали.

«Глазастый!» – обиженно подумал Козма. Но вместо ответа требовательно протянул руку. Сеиф, не прекращая скалить зубы, порылся в седельной сумке и вложил в ладонь Козмы круглый тоненький камень. Козма повертел его в пальцах, удовлетворенно кивнул. Затем в свою очередь порылся в седельной сумке и достал короткую железную пилку на простой деревянной ручке. Отпустив поводья, на ходу стал вжикать камнем по маленьким зубьям. Сеиф скакал рядом, приоткрыв от удивления рот. Козма невозмутимо закончил заточку, попробовал зубья ногтем и сунул пилку на место. Затем достал странный нож (маленькое лезвие на длинной и тонкой железной ручке), наострил и его.

– Что делать будешь? – спросил Сеиф, когда Козма вернул ему камень.

– Отрежу Ги руку. Иначе умрет.

– Да? – удивился туркопол. – Можно мне посмотреть?

– Любишь кровь?

– Я видел, как человеку отрезают голову ножом, видел, как отрубают, – стал перечислять Сеиф. – Видел, как разрывают на куски лошадьми, как отрубают руки и ноги. Но никогда не видел, как живому отпиливают руку.

– Смотри! – пожал плечами Козма. – Если хочешь... У тебя есть что-нибудь крепче вина?

– Сикер!

Сеиф пошарил в другой седельной сумке и достал глиняную баклагу в кожаном чехле.

– Крепкий?

– Когда пьешь – во рту горит! – довольно улыбнулся туркопол. – А голова становится совсем дурной. Зато ночью не холодно и весело идти на врага. Пробуй!

Козма зубами вытащил кожаную пробку, глотнул и сразу закашлялся. Сеиф довольно ощерил зубы.

– Арабы называют его «алкогол». В нем можно растворять даже камни.

– Можно, я возьму для него? – Козма указал на Ги. – Ему надо выпить перед тем, как я отрежу руку. Потом я верну баклагу.

– Бери совсем! – махнул рукой Сеиф. – У меня еще есть. Мы взяли много добычи.

– Вы вчера полдня хоронили убитых врагов, – сказал Козма, пряча баклагу. – И в первый раз на дороге тоже хоронили... Господин был недоволен – теряли время, но вы настояли. Почему?

– Человека нельзя бросать на земле. Аллах запрещает. Каждый мусульманин в любую минуту должен быть готов к смерти, поэтому носит с собой свой гроб, – Сеиф коснулся рукой чалмы на голове. – Нужно просто размотать ее, и получится саван. Завернул в него мертвого и похоронил.

– Но убитые были твоими врагами!

– Мертвый – уже не враг. Он – человек, которого нужно хоронить, – упрямо сказал туркопол. – Врагами могут быть только живые.

– Как получилось, что мусульманин воюет на стороне христиан с другими мусульманами?

– Мусульмане всегда воевали между собой, – пожал плечами Сеиф. – Это было до того, как франки пришли в Сахель, это будет, когда они отсюда уйдут. Франки между собой тоже воюют... Я служу Зародьяру шесть лет и доволен своим господином. Он строг, но очень щедр, – Сеиф довольно посмотрел назад, где скакал табун захваченных после ночного побоища лошадей. Многие несли на спинах вьюки. Табун со всех сторон охраняли туркополы. – Арабский эмир забрал бы у меня половину добычи, а Зародьяр отдал все. За шесть лет я накопил немного золота, и когда продадим добычу, у меня его будет достаточно, чтобы купить себе плодородной земли в Сирии или Персии, сдать ее земледельцам и жить богато до старости.

– Ты хочешь покинуть Зародьяра?

– Господин сказал, что мы можем уйти после того, как вернемся в его замок. Но я еще не решил. Ты возьмешь меня на службу?

– Я? – удивился Козма.

– Зародьяр говорил: ты знатного рода. Он сказал, что ты будешь с ним только в этой поездке. Потом будешь сам рыцарь. Это ты придумал спуститься с башни ночью и напасть на Юсуфа?

– Что из того?

– Я пятнадцать лет ношу меч, но никогда не слышал, чтобы семеро воинов убили сорок, не потеряв ни одного своего! И взяли такую добычу! Одни кони стоят не менее сотни безантов, а еще одежда, обувь, оружие... Когда весть об этой битве разнесется по Сахелю, к тебе придут сотни воинов. Но ты помни: я обратился первым!

– Запомню! – пообещал Козма. – Если набирать воинов, лучше тебя не найти.

Сеиф поклонился, приложив руку к груди, и ускакал к своему табуну. Козма взялся за поводья и догнал Иоакима.

– На привале ампутирую Ги руку, – сказал, поравнявшись. – Поможешь? Поддержать?

– Когда резал жену эмира, меня не звал, – хмыкнул Иоаким. – Ее бы подержал...

– Начинается! – вздохнул Козма. – Выдь на Волгу, чей стон раздастся?..

– Три месяца без женской ласки! Мы что – не люди?

– На Стеллу посматриваешь!

– Есть на что смотреть. Помнишь, ночью?

– Она ж дите!

– Как сказать... Времени было мало, но разглядел... А как это дите черкесов местных к земле припиливила, помнишь? Да еще ножкой потом! По ребрам, по ребрам!.. Огонь-девка!

– Мало тебя Дуня по роже била!

– Мало, – согласился Иоаким. – Пусть бьет! Мне только в радость. Побьет, а потом гладить начинает, жалеть... И целует так, что сознание теряешь! Откуда только сила... А обнимает как!

– Прекрати! – велел Козма, скрипнув зубами.

– Пробило?! – злорадно хохотнул Иоаким. – Риту вспомнил?.. Ладно, сговорились! Жаль Ги.

– Мне тоже жаль, – вздохнул Козма. – Поймал парень стрелу, которая мне назначалась...

– Кто знает, что нам назначено... Старики живут, а пацанята гибнут. Под Путивлем насмотрелся, как они кровью харкали, – до сих пор не забыть...

– В Великую Отечественную пацаны тоже воевали, – хмуро сказал Козма. – Мой дед в партизанах с четырнадцати, ранен дважды...

Иоаким в ответ только вздохнул.

– Чем тебя Сеиф угощал? – спросил после недолгого молчания. – Видел, видел...

– Самогонка какая-то местная. Сивуха. Горло дерет...

– Покажи!

Козма достал баклагу. Иоаким без лишних слов вытащил пробку и приложился к горлу.

– Я для Ги брал! – возмутился Козма.

– Хватит тут Ги, – примирительно сказал Иоаким, возвращая баклагу. – Еще с литр... – он прижмурился, оценивая ощущения от напитка, громко срыгнул. – Действительно – сивуха. Из фиников гнали. Или прямо из пальмы. Может, из кактуса... Вкус такой. Но все равно хороша. Что это Сеиф расщедрился? Он мужичок прижимистый; видел, как они покойников обдирали – до голого тела?

– Все тут такие. Нас с тобой продали за пару сапог.

– Продешевили... Сейчас локти кусают. Мы с тобой – ого!

– Сивуха подействовала?

– Забирает!.. Так откуда баклага!

– Сеиф подлизывался. На службу просится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.